ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Анатолий Митяев

РАССКАЗЫ О РУССКОМ ФЛОТЕ



Рассказы о русском флоте
Анатолий Васильевич Митяев

Аннотация
Анатолий Митяев. Рассказы о русском флоте
Кто в море не бывал…
Морские истории и сказки
- Шесть Иванов – шесть капитанов
- Сказка про трех пиратов
- Пингвины
- Якорь
- Белая шхуна
- Почтовая бутылка
- Глоток воды
- Щеглы для флота
- Капля
- Лапочка с красного бакена

Рассказы о русском флоте
- Корабли-герои
- Сражение при Гангуте
- Адмирал Ушаков
- Вокруг света по морям
- Флотский порядок
- Адмирал Нахимов
- Имя на борту корабля

В холодном поту
Бесстрашный «Туман»
Мастер на все руки
Грозная «Малютка»
Морской лётчик
Атакуют торпедные катера
Подвиг в Карском море

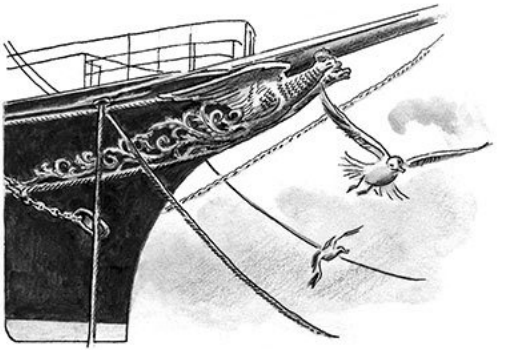
Аннотация

В книгу Анатолия Васильевича Митяева (1924–2008) вошли рассказы о знаменитых адмиралах, о морских баталиях времён Петра I и Русско-турецких войн, о плаваниях по морям и океанам вокруг света, цикл рассказов «В холодном море», а также его сказки для детей.

Тема сборника морская. И поэтому в каждом рассказе или истории можно почувствовать и бесконечную любовь автора к морским просторам и отважным людям, в течение многих веков создающим славу русскому флоту.

Для среднего школьного возраста.

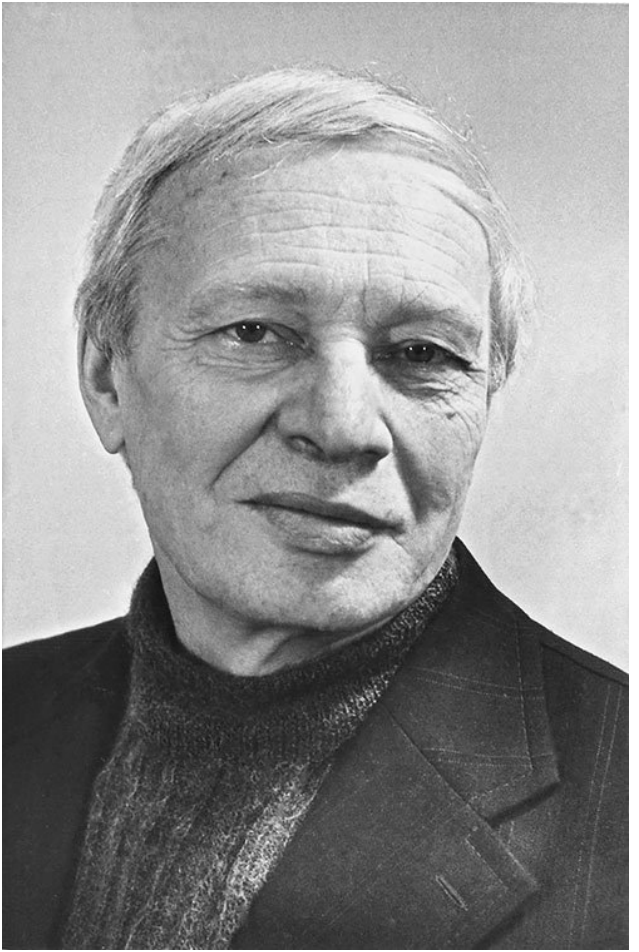
В формате PDF A4 сохранен издательский макет.



Анатолий Митяев
Рассказы о русском флоте

© Митяев А. В., наследники, 2019
© Пестова И. Н., вступительная статья, 2019
© Гонков С. Г., иллюстрации, 2019
© Оформление серии, состав. АО «Издательство «Детская литература», 2019

* * *





1924–2008

Кто в море не бывал...



Почему человека тянет к морю? Чем его привлекает морская служба?.. Ведь тяжело служить и воевать на суше, а на море — ещё тяжелее. Недаром говорится: «Кто в море не бывал, тот и горя не видал». Много веков подряд со всех концов страны добирались до морских причалов и

нанимались на корабли отважные люди всех сословий. А уж побеги подростков к морю и служба юнгами — едва ли не самый популярный сюжет многих книг и кинофильмов.

Анатолий Васильевич Митяев в детстве к морю не убегал. Он родился в центре европейской России, в селе Ястребки Рязанской губернии. Рано научившись читать, мальчик перечитал всё, что было в сельской библиотеке, о море и путешествиях. Однако к окончанию школы мечты его были вполне сухопутными: после девятого класса он подал заявление в лесной техникум. Начавшаяся война оборвала все планы. Анатолий ушёл в армию добровольцем и служил в дивизионе тяжёлых миномётов на разных фронтах Великой Отечественной. С морем же Анатолий Васильевич повстречался в двадцатилетнем возрасте, когда осенью 1945 года солдатская судьба привела его на Сахалин. Впервые выйдя ночью на берег Татарского пролива, ощутил он близкое дыхание океана… Но моряком не стал.

По завершении военной службы Анатолий Васильевич выбрал профессию журналиста в «Пионерской правде», потом возглавил журнал «Мурзилка». Его первая книга, сборник сказок, появилась в 1960 году. После выходили военные

рассказы для младших школьников, а ещё позже — «Книга будущих командиров» и «Книга будущих адмиралов», книги по военной истории России. Дети сразу приняли и полюбили митяевские рассказы и сказки. Но самыми преданными его читателями стали те ребята, в основном мальчики, что поняли, какое это удовольствие — узнавать о деяниях великих героев и следовать за мыслями гениальных полководцев! Вместе с автором они отправлялись в жаркие сражения, восхищались мудростью древних вождей, мужеством рядовых воинов.

Углубляясь в прошлое страны, Анатолий Васильевич обратил внимание на моряков с их особыми, так долго живущими обычаями на службе, в бою и в быту. Мореплавание всегда было делом мужественных людей. В истории много примеров тому, как море помогает людям сильным и как жестоко обходится с безвольными. К тяжёлой морской службе человек должен быть готов не только телом, но и духом. А уж море выкует в нём самые лучшие качества: выносливость и привычку к постоянному труду, чувство личной чести и горячую любовь к родной земле, умение побеждать, казалось бы, в безвыходном положении.

Восхищённый разными флотскими судьбами, Анатолий Васильевич задался вопросом: откуда у россиян неистребимая тяга к морской стихии? И каждая его книга о море и моряках в какой-то мере является ответом на него.

Отважными мореходами наши предки были уже более тысячи лет назад. Они строили суда, спускались по рекам до самого Средиземного моря, ходили на Балтику и в Северный Ледовитый океан. Стремление к морю на Руси не пропало и в те столетия, когда шведы отрéзали нас от Балтики, а турки — от Чёрного и Азовского морей. Для морской связи с миром оставался лишь Архангельск — порт на замерзающем на полгода Белом море. Понятно, что в таких условиях огромная страна с самой длинной на земле морской границей не могла нормально существовать и развиваться. Поэтому борьба за выход к морям надолго стала основной заботой русских государей и, как сегодня сказали бы, нашей национальной идеей. А тысячи отважных россиян, откликаясь на зов морей и океанов, строили корабли, стойко переносили тяготы флотской службы, открывали новые земли и превращали родную страну в крупнейшую морскую державу.

Всякому пишущему о флоте надо знать зако-

ны и обычаи, из которых состоит повседневная жизнь моряка. У Анатолия Васильевича опыта службы на флоте не было. Все его знания почерпнуты из книг, документов, общения с «морскими волками», а ещё ему помогало творческое воображение.

Однажды, уже на склоне лет, ему пришлось увидеть документальный фильм о корабельной верфи. Прежде он об этом только читал, а теперь воочию смог увидеть, как выжигают в гигантском пожаре внутренности большого современного корабля перед тем, как отправить его на переплавку… Писатель был потрясён этой трагической картиной. Он словно сам пережил то, что чувствуют члены экипажа в мгновения гибели судна, и полностью осознал слова великого флотоводца С. О. Макарова: «Корабль есть живое существо, и, видя его гибель, вы неизбежно чувствуете, как уходит в вечность этот одушёвленный исполин, послушный воле своего командира». Трепетное отношение писателя к своим героям — и морякам, и кораблям — рождало доверие читателя. В благодарных письмах они часто спрашивали автора о дальнейших судьбах моряков, не сомневаясь, что он был участником описываемых событий.

Самая первая сказка молодого Анатолия Митяева называлась «Гордый кораблик». Смысл её прост: «так корабль и поплывёт, как его ты назовёшь». Мальчик, который мечтал о море, выпилил из дощечки кораблик, назвал его «Авророй» (в то время все дети знали этот крейсер — знаменитый символ Октябрьской революции), и корабль-мечта мальчика прошёл невредимым сквозь все испытания. Сказка читателям понравилась, по ней сняли мультфильм. Однако Анатолий Васильевич скоро понял, что детям мало одной сказки о знаменитом корабле. Он познакомился с музейными и архивными документами, воспоминаниями моряков, служивших на нём. Выяснилось, что история крейсера «Аврора» совсем не проста, невероятно интересна и уходит корнями в середину XIX столетия.

Крейсер, в традициях Российского императорского флота, назвали именем мифологического персонажа — богини утренней зари Авроры. Но он не первый носил это имя: ранее ходил по морям и отважно сражался парусный фрегат с тем же названием. Крейсер продолжил его героическую службу Родине. Кроме того, мощные орудия, снятые с «Авроры», во время Великой Отечественной войны обстреливали фашистские

танки на подступах к блокадному Ленинграду. Все эти сведения легли в основу сценария для диафильма «История „Авроры“». И хотя, в отличие от мультфильма, картинки в диафильме неподвижны, можете поверить на слово: «Аврора» ожила, обрела некий объём благодаря новому авторскому взгляду.

Сценарии диафильмов сыграли немалую роль в становлении Митяева как автора исторических повестей для детей. Кстати, впоследствии Анатолий Васильевич ещё не раз возвращался к своей любимой теме — как с именем погибшего корабля-героя передаётся вновь построенному кораблю завёт безупречной службы Отечеству.

Одно из любимых имён для кораблей нашего флота — «Га́нгут». Что оно значит? Это русское название финского полуострова Ха́нко. Оно знаменует самую первую победу российского флота, созданного Петром I. Его галерный флот возле Гангута более трёх веков назад смог разбить мощную шведскую эскадру. Анатолий Васильевич начал с рассказа об этом сражении книгу об истории регулярного флота России для ребят младших классов. Книга получилась интересной и познавательной. Автор много знал о тех далёких временах и с удовольствием делился раз-

нообразными сведениями о том, как строились и назывались тогда корабли, в каких морях на каких судах удобнее ходить, как моряки управляли кораблём, что ели и как отдыхали, каково было вооружение, как сражались в абордажном бою и даже как, в конце концов, праздновали победу. При этом на страницах книги разворачивались события морских баталий, направляемые твёрдой рукой и волей Великого Петра…

Многие сюжеты и герои рассказов о русском флоте очень популярны у ребят — библиотечные книги давно зачитаны ими до дыр. Воодушевление от петровских побед — «викторий» — в наше время довелось ощутить на родине Митяева, в школе посёлка Сапожок, куда нас пригласили на урок морской истории. В этой школе учителями никогда не были профессиональные моряки. Но пятиклассники знают и любят книги своего земляка. Они изготовили прекрасную карту-схему полуострова Гангут, картонные макеты кораблей и разыграли сражение. Не знаю, суждено ли ребятам стать юнгами, но, по меньшей мере, название «Гангут» у этих девочек и мальчиков останется в памяти на всю жизнь, подобно Полтаве, Бородину и Сталинграду. Сейчас мало кто помнит, но в 1930-е годы, когда Митяев пошёл в школу (именно в

эту, в посёлке Сапожок), историю детям не преподавали, её ввели в программу лишь незадолго до войны. Но это нелепое обстоятельство не оказало на судьбу Анатолия Васильевича решающего влияния: он освоил предмет самостоятельно и в том объёме, который ему требовался. Львиную долю знаний он получил из книг, которые читал с пяти лет. И это снова доказывает пользу хорошего чтения.

Предлагаемая книга Анатолия Митяева составлена из рассказов о великих сынах России — защитниках её берегов, флотоводцах и открывателях новых земель, о знаменитых сражениях на морях и на суше, о кораблях-героях. Это серьёзное и интересное чтение. Есть в сборнике и морские истории, и сказки. При этом сказки у Митяева удивительные: то ли сказка она, то ли быль. И по настроению они разные: весёлые, серьёзные, трагические. Но их объединяет искренняя уверенность сказочника, что главный закон жизни — закон верности: верности морю, верности слову, верности родной земле. А ещё автор точно знает, почему так важно зорко смотреть в морскую даль…

Есть в книге и одна особенная сказка. Она проста, как игра или считалка, и, как песенка

с припевом, понятна даже самым маленьким детям. Это сказка «Шесть Иванов — шесть капитанов». Когда-то она была у нас очень популярна. Картинки к ней любили рисовать дети в детских садах и пионерских лагерях.

Однажды журнал «Советская женщина» объявил международный конкурс на лучший детский рисунок, предложив юным читателям проиллюстрировать сказку о мальчишках-моряках, которые по первому зову с открытой душой приходят на помощь. Сказка эта понравилась ребятам из многих стран. Было прислано несколько тысяч работ. Рисунки лауреатов украсили проходившую в 1977 году в Москве первую Международную книжную выставку-ярмарку.

Сегодня, более сорока лет спустя, те ребята, что участвовали в конкурсе, выросли и стали совершенно взрослыми. И автора уже нет среди нас. Но так нужна в сегодняшнем мире его доброта, и эта матросская песенка, и мальчишеская вера в дружбу, что сильнее всех бурь и невзгод!

Итак, читаем Митяева…

И. Пестова

Морские истории и сказки

МОРСКИЕ ИСТОРИИ И СКАЗКИ



Шесть Иванов – шесть капитанов



В шести разных странах жили шесть Иванов-капитанов. Все они носили тельняшки. Лодку они называли не лодкой, а я́лом, компас не компасом, а компа́сом, скамейку не скамейкой, а банкой.

Каждый из них, слушая сводку погоды по радио, обязательно поправлял диктора. Если диктор говорил: «Ветер северо-восточный», капитаны поправляли: «Ветер нордост». Если диктор гово-

рил: «Скорость ветра двадцать метров в секунду», они тут же уточняли: «Шторм девять баллов».



А ещё жила на свете девочка Лена, которая любила рисовать. Как-то захотелось ей нарисовать лужок. Пошла она на лужок, села на травку, раскрыла альбом, взялась за коробку с красками и тут вспомнила: краски-то кончились! Тарелочки из-под красок чистые-чистые…

— Ох, горе мне! — крикнула Лена. — Что ж я теперь делать буду? Кто же выручит меня из беды?

И только вскрикнула так Лена — появились перед ней шесть мальчишек в тельняшках.

— Мы слышали сигнал SOS, — сказали они. — Это ты, девочка, терпишь бедствие? Что случилось? Какая нужна помощь?

Удивилась Лена: откуда взялись мальчишки? То ли из травы вылезли, то ли с неба свалились…

«Может, я расстроилась сильно, — подумала девочка, — и в расстройстве проглядела, как подошли ребята?»

И показалось Лене: беда у неё такая, что хуже не бывает. Тогда жалобным голоском она ответила:

— Я терплю бедствие. Краски у меня кончились, а магазин закрыт на учёт. Может, там до ночи учитывать будут, может, и весь завтрашний день… А вы кто такие и откуда взялись?

— Мы из разных стран, — ответили мальчишки.

— Я — Иван!
— Я — Ян!
— Я — Хуан!
— Я — Жан!
— Я — Ганс!
— Я — Джон!
— Мы — Иваны-капитаны!

— Ох, Ванюшеньки миленькие, — обрадовалась Лена, — выручите меня из беды, достаньте краски! Очень мне хочется лужок нарисовать.

— Есть! — ответили Иваны-капитаны. — Сиди здесь, скоро тебе будут краски. Дайка нам пустую коробочку.

— Я знаю, где жёлтая краска, — сказал Иван.
— Я знаю, где голубая, — сказал Ян.
— Я знаю, где оранжевая, — сказал Хуан.
— Я знаю, где красная, — сказал Жан.
— Я знаю, где чёрная, — сказал Ганс.
— Я знаю, где белая, — сказал Джон.

Иваны-капитаны отдали честь девочке и пошли. Пошли они и по дороге нашли старые ворота.

Приладили к ним мачту, капитанский мостик, штурвал — получился отличный корабль.

Столкнули Иваны-капитаны корабль на воду, на мачте шесть флагов подняли и поплыли.

С капитанского мостика увидел Иван злого кашалота. Ушёл Иван от кашалота. Привёл корабль в Жёлтое море. Зачерпнули капитаны жёлтой краски. Поплыли дальше.

Капитан Ян ловко среди рифов прошёл и привёл корабль в Голубую реку. Зачерпнули капитаны голубой краски. Поплыли дальше.

Капитан Хуан сквозь шторм корабль провёл, остановил его в Оранжевой реке. Зачерпнули капитаны оранжевой краски. Поплыли дальше.

Капитан Жан между айсбергами проплыл и привёл корабль в Красное море. Зачерпнули капитаны красной краски. Поплыли дальше.

Капитан Ганс вовремя увидел мель, обогнул её и привёл корабль в Чёрное море. Зачерпнули капитаны чёрной краски. Поплыли дальше.

Капитан Джон вёл корабль в тумане, но точно привёл его в Белое море. Зачерпнули капитаны белой краски. И поплыли к берегу.

Нашли они вскоре тихую бухту, бросили в ней якорь и пошли к девочке на лужок.

— Вот тебе, девочка, краски! — сказали шесть Иванов-капитанов. — Извини, что нет зелёной. Но раз ты любишь рисовать, то знаешь, как сделать её из жёлтой и голубой.

— Спасибо! — сказала Лена.

Она пожала на прощание руку Ивану,
пожала Яну,
пожала Хуану,
пожала Жану,
пожала Гансу,
пожала Джону и стала рисовать лужок.

А капитаны ушли в свои страны. Ходят они по своим странам в тельняшках, называют комнату не комнатой, а кубриком, лестницу не лестницей, а трапом. Если нужно будет, если кому-то понадобится помощь, они мигом соберутся вместе и поплывут на своём корабле.

Сказка про трех пиратов



В одном доме жила семья: мама, папа и дочка. Был выходной день. Они позавтракали поздно и собирались мыть посуду на кухне. В это время постучали соседи и позвали всех к себе — смотреть породистого щенка. Это было интереснее мытья посуды, и все побежали к соседям. А кран над

раковиной забыли завернуть. Сто́ит ли говорить, что кран обязательно надо завёртывать, если уходишь, иначе будет беда.

Вода из крана бежала ровной струйкой. Вдруг струйка прервалась. Кран громко чихнул, и из него с брызгами выскочило что-то, потом ещё что-то и ещё что-то. Эти три что-то как раз и были три пирата: пират Синий Нос, пират Красный Нос и пират Нос Крючком. Их стукнуло о тарелки, которые лежали в кухонной раковине, на них лилась вода. Поэтому они некоторое время валялись как попало, потом стали приходить в себя.

Первым пришёл в себя пират Синий Нос. Он втянул воздух в свой синий, как слива, нос и закричал:

— Тысяча чертей! Пусть сожрёт меня акула, если это не ка́мбуз!

— Камбуз! Камбуз! — завопили Красный Нос и Нос Крючком. — Отличный камбуз, адмиральский камбуз! Ну и попируем мы здесь! На разведку, ребята!

Пираты выскочили из раковины и разбежались по кухне.

Синий Нос прикатил банку с перцем, Красный Нос притащил на спине вафлю, а Нос Крючком приволок ложку с остатками сметаны. Пираты

намазали вафлю сметаной, посыпали перцем и начали есть её с трёх сторон, не разламывая. Ели они страшно быстро. Через мгновение вафля исчезла в их животах, и они чуть было не откусили друг другу носы.

— А теперь, — сказал Нос Крючком, поглаживая круглый живот, — за мной! Я нашёл склад оружия.

В ящике кухонного шкафа лежали ножи. Они были острые и сверкали. У пирата Красный Нос от счастья закружилась голова, и он свалился в ящик с ножами. Однако ножи для пиратов были тяжелы и велики. Пираты приуныли. Но тут попался нож от мясорубки. Они его взяли, один на троих, и двинулись дальше.

Пока они идут с ножом от мясорубки, озираясь по сторонам, самое время рассказать о них.

Это были ужасные пираты. Когда-то, очень давно, их боялись на всех морях и океанах. Потом перестали бояться, и они от такого несчастья стали маленькими. В огромном море им нечего было делать. Они пробрались в речку. Там их всосала водопроводная труба. По ней-то они и попали на кухню…

Из кухни коридорчик вёл в прихожую. Пираты очень быстро достигли прихожей. Первое, что

увидели они, — это вешалку, даже не саму вешалку, а одежду на ней.

— Осмотреть карманы! — отдал команду Синий Нос. — Возможно, там спрятаны клады золотых дукатов.

Красный Нос ухватился за полу мужского пальто и ловко, как обезьяна, стал подниматься к карману. Синий Нос забрался в карман женской шубки, а Нос Крючком — в карман детской курточки.

— В этих душистых мешках нет ни пылинки, — проворчал Синий Нос, скатываясь по скользкому меху на пол.

Из кармана мужского пальто слышалось сопение, пыхтение. Красный Нос вылетел оттуда, чихая. Зацепившись ногой, он вывернул карман — из него посыпалась жёлтая пыль.

— Тысяча чертей! Это же табак! — догадались Красный и Синий Носы.

Услыхав про табак, Нос Крючком, не куривший тридцать лет ровно, начал быстро спускаться по шерстяной нитке, торчавшей из кармана куртки. Нитка всё удлинялась. Когда Нос Крючком спустился почти до пола, нитка натянулась, и из кармана упала четырёхпалая перчатка: пятый палец весь распустился, пока пират спускался.

Нос Крючком тоже стал чихать.

Начихавшись всласть, пираты занялись дальнейшим осмотром. И вдруг они увидели галоши.

— Пусть меня проглотит кашалот! — заорал Нос Крючком. — Это отличные корабли. Без единой трещины, просмолённые как надо. Возьмём один из больших кораблей. Пусть у него меньше скорость, зато он поднимет больше груза.

Пираты уцепились за большую галошу и потащили её.

— Клянусь потрохами каракатицы, — закричал Синий Нос, — мы делаем бесполезную работу! Куда мы тащим корабль? Ни шагу дальше! Мы его загрузим здесь. Всем искать клад!

Пираты кинулись в детскую комнату. Синий Нос подбежал к кожаному сундуку с большим никелированным замком. Открыть замок — сущий пустяк пирату. Скоро Синий Нос скрылся в кожаном сундуке.

Красный Нос и Нос Крючком напали на кукол, которые сидели в уголке. Они отбирали у них капроновые одежды и сваливали в вороха. Нос Крючком надел голубую юбку с кружавчиками. Красный Нос напялил на голову чепчик с бантиком. Пираты пригрозили голым куклам ножом от мясорубки и запихали их под тахту.

В это время вылез из кожаного сундука Синий Нос. За поясом у него было три кинжала — пёрышки, которые он нашёл в пенале. В руках он сжимал авторучку.

Синий Нос страшно рассердился, увидев друзей в кукольных нарядах, — как они смели заняться дележом без него?! Он отвинтил колпачок у ручки и, нажимая насосик, открыл стрельбу. Первую чернильную струю Синий Нос запустил в физиономию Красному Носу, и нос у того стал синим. Вторая струя ударила в физиономию Носа Крючком. У него нос тоже стал синим.

— Пусть меня задушит осьминог! — захохотал стрелок. — Мы все теперь Синие Носы — стало быть, братья! Давайте мириться.

Пираты обнялись, потом надели на настоящего Синего Носа кофточку. Синий Нос подарил им по кинжалу и отсалютовал в обои на стене несколькими очередями из авторучки.

— А теперь без промедления носить добро на корабль! — распорядился настоящий Синий Нос.

И только он распорядился, как за входной дверью на лестничной площадке послышались шаги.

— Клянусь омаром и кальмаром, — прошептал Нос Крючком, — это морская пехота врага! Надо

удирать!..

Пираты бросили нож от мясорубки и, срывая на ходу награбленную одежду, кинулись на кухню. Мигом они забрались в раковину. Красный Нос попытался влезть в кран, но его тут же отбросило струёй на посуду. Он потёр спину и, сморщившись, проворчал:

— Очень сильный прилив. Надо ждать отлива, иначе не попадёшь в трубу.

— Немедленно за мной, хромые кефали! — заорал Синий Нос. — Или мы погибли…

Он втянул в себя побольше воздуха и нырнул в отверстие раковины. За ним бросился Красный Нос. Нос у него был уже красный: отмылся. Последним нырнул Нос Крючком. При этом он запутался в мочалке. Она потащилась за ним и заткнула отверстие раковины.

Дверь открылась. Мама, папа и дочка вошли в квартиру.

— Хороший щеночек! — сказала дочка.

Папа и мама хотели сказать, что им тоже понравилась собака, что, может быть, стоит завести такую, но они ничего не сказали. Папа споткнулся о галошу, а мама попала ногой в ручеёк, бежавший в прихожую с кухни. Они только вздохнули и принялись за уборку. Да, задали им работу эти

ужасные пираты!..

Пингвины



Место, где произошла эта история, — на другом конце Земли, почти прямо под нами. Там лежит странный материк — Антарктида, покрытый льдом. Тяжёлый лёд с середины материка тихо-тихо ползёт к берегам и, обламываясь, падает в океаны. С грохотом, со страшным плеском падают ледяные горы в воду. Потом они плывут по

всему свету, ведь вокруг Антарктиды сходятся три из четырёх земных океанов.

Когда у нас, на верхушке Земли, начинается зима, внизу Земли, в Антарктиде, начинается лето. Оно чуть потеплее нашей зимы, но всё же лето, и в эту пору с океанских островов к ледяным берегам начинают плыть стаи пингвинов. Их путь долгий и опасный. То шторм разыграется, то акулы нападут; пингвинам никуда от них не деться: крылья-вёсла не поднимут пингвинов в воздух. Зато хорошо бывает, когда доплывут пингвины до места. В белых рубашках и белых штанах, в чёрных пиджачках, толпами гуляют они по сверкающему льду, по искристому снегу, а проголодавшись, ныряют в океан за рыбой. Пингвины становятся хозяевами ледяной пустыни.

Можно подумать, что и плывут-то они в Антарктиду, чтобы стать её хозяевами. Ведь бывают глупцы, для которых смысл жизни — стать хозяином чего-то. Но пингвины не такие! Они пускаются в путешествие по океану из-за любви к пингвинятам. На островах у пингвинят много врагов, неспокойно расти им на островах. А тут никто не тронет.

Среди тех, кто приплыл на ледяной берег, был пингвин, по имени Пин-Гвин. Как и другие пти-

цы, Пин-Гвин вскоре стал высиживать яйцо. Он знал, что пингвинёнок выведется из яйца, если яйцу будет тепло. Пин-Гвин прижал яйцо крыльями, как руками, к животу и стал усердно греть его. Ходить, прижимая яйцо к животу, трудно, и Пин-Гвин больше стоял. Ему не было скучно стоять: он стоял и думал, как появится на свет его пингвинёнок, как славно заживут они вместе.

Пин-Гвина мучил голод. Он не ел уже много дней. И Пин-Гвин решился однажды пойти за рыбой. Он не стал бы делать этого, если бы это было нужно только ему одному. Он делал это для будущего пингвинёнка, которого любил уже больше всего на свете. Голодная птица — холодная, а яйцу нужно тепло.

Рядом с Пин-Гвином стоял Пын-Гвын, не уклюжий толстяк с очень большими лапами. Он тоже грел яйцо. Пин-Гвин попросил его присмотреть за яйцом. Тот согласился.

Яйцо лежало на льду около больших ног Пын-Гвына. И надо же случиться такому — толстяк, переступая с ноги на ногу, задел яйцо, и оно покатилось. Оно катилось сначала тихо, потом всё быстрее и быстрее. Пын-Гвын сначала шёл за ним, потом побежал. Но крылья у него были заняты, яйцо упало в глубокую трещину и пропало там.

Пын-Гвын чуть с ума не сошёл от страха. «Что делать, что делать?» — думал он и топтался на месте. Тут попался ему на глаза камень. Он был такой же, как пропавшее яйцо, — круглый, гладкий. И Пын-Гвын отдал этот камень возвратившемуся Пин-Гвину.

«Как потяжелело яйцо, — думал Пин-Гвин, прижимая к тёплому животу камень. — Хороший пингвинёнок, большой и сильный, выведется у меня. Славно мы заживём вместе…»

Пришло время — сразу во многих яичках раздался стук. Это стучали клювами в скорлупу пингвинята, они словно спрашивали разрешения войти в большой мир. Им, конечно, разрешали. И они выбирались из тесной скорлупы на сверкающий лёд, на морской воздух, под яркое солнце.

«Когда же постучится мой богатырь? — думал Пин-Гвин. — Ну, ничего, я терпеливый, подожду». И он плотнее прижимал к себе камень.

Пингвинята заметно выросли. Они уже не картавили, произносили все буквы, даже «Р». Многие из них научились плавать и нырять, а некоторые сами ловили рыбу. Взрослые птицы толпами ходили к Пин-Гвину и спрашивали, скоро ли ждать новорождённого. «Потерпите, — отвечал он, — мой пингвинёнок неторопливый. Пригрелся там,

упрямец, и выходить на свет не хочет. Пусть ещё немного понежится». Он говорил это спокойно, а у самого сердце уже давно было полно тревоги.

Как-то одна из птиц высказала Пин-Гвину сомнение: не камень ли у него вместо яйца? Ах, как Пин-Гвин рассердился! Он прогнал нахала и долго кричал ему вслед обидные ругательства. А ночью, когда все пингвины рассказывали сказки прижавшимся к ним пингвинятам, Пин-Гвин тоже стал рассказывать сказку; он рассказывал громко, чтобы пингвинёнок услышал её сквозь скорлупу.

Пингвинчик выходить из яйца не хотел.

Всю-то жизнь, упрямый, в скорлупе просидел.

Он не видел ледяные глыбы,

Не пробовал свежей рыбы.

Ветер полярный не выщипал у него пёрышка.

Старшим с птенчиком не было горюшка.

Пин-Гвин рассказал такую сказку и сам поверил, что птенчик услышал её. Очень радостно стало от этого Пин-Гвину. И он первый раз за

всё время уснул, уснул стоя, прижимая камень к себе крепко-крепко. Проснувшись, Пин-Гвин поковылял к берегу океана.

— Слышишь этот неперестающий шум? — спрашивал он. — Это шумит океан. Океан не твёрдый, — объяснял он. — Если встать на него, провалишься и попадёшь с белого света в зелёный, к рыбам. Рыбы будто узенькие льдинки, такие же блестящие. А есть киты. Они похожи на чёрные скалы. У них из головы бьёт фонтан. Тебе понятно, что такое фонтан? — спрашивал Пин-Гвин, наклоняясь к камню. — Это огромное перо из воды.

Однажды Пин-Гвин положил свой камень, а он покатился. Пин-Гвин остановил его и отшлёпал, как шлёпали другие пингвины своих непослушных детей.

— Я знаю, тебе не больно, озорнику. Ты в скорлупе, — ворчал Пин-Гвин при этом. — Но запомни: выведешься — всыплю по первое число.

Неуклюжий Пын-Гвын всё это видел и слышал. Ему было страшно сказать правду Пин-Гвину, и он ушёл в другую стаю, которая жила за ледяной горой.

Между тем лето кончилось. Молодых пингвинов уже нельзя было отличить от старых.

Все начали собираться в путешествие к своим островам. Здесь стало морозно, подули ветры со снегом. Да, надо было торопиться!

В один из дней, когда океан едва колыхался, толпы пингвинов сошли со льда в воду и поплыли. Ледяной берег стал снова белым-белым. Только одна чёрная точка была на нём — это чернел пиджачок Пин-Гвина. Пин-Гвин не знал, что ему делать. Он, как всякая птица, чувствовал приближение страшной антарктической зимы: она не щадит ничего живого. Но и плыть было опасно: яйцо так тяжело! «Остаться на ледяном берегу, — размышлял Пин-Гвин, — значит наверняка заморозить пингвинёнка. Поплыву я. В этом единственное спасение для него. Да, очень жаль, что он до сих пор ещё не вывелся…»

Пин-Гвин нашёл место, где лёд полого спускался к воде. Он прошёл медленно по этому спуску, прижал крылышками покрепче камень и поплыл. Всё тело Пин-Гвина ушло в воду, на поверхности была только голова, только раскрытый клюв, глотающий воздух, только два чёрных встревоженных глаза. «Ничего, — подбадривал себя Пин-Гвин, — доплывём потихоньку».

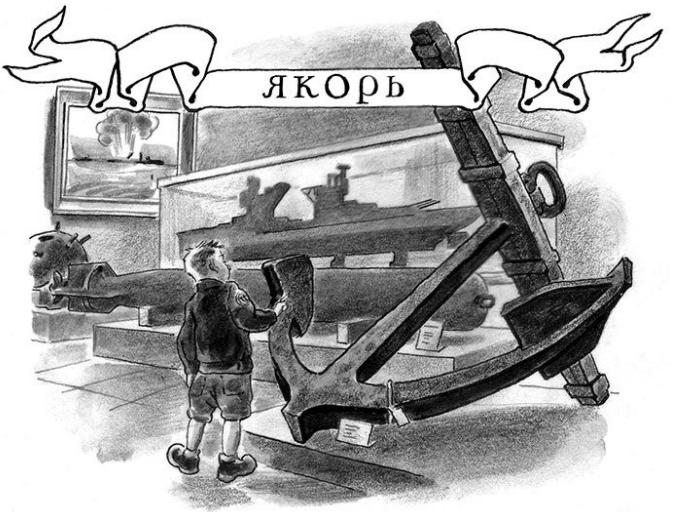
Он уже был далеко в океане, когда понял, что сил у него не осталось совсем. Он повернул назад

и, медленно погружаясь в зелёную воду, устремился к берегу.

Если бы пингвин выпустил камень… Но ведь Пин-Гвин был уверен, что у него не камень, а яйцо с крохотным пингвинёнком, ещё не родившимся, но любимым бесконечно. Вода, окружавшая Пин-Гвина, всё темнела и темнела, будто в воду добавляли черноты. Но черноты никто не добавлял — просто Пин-Гвин опускался всё глубже.

Стаи пингвинов, молодых и старых, были в это время на полпути от своих островов. Плыть им было легко и весело. С ними плыл и Пын-Гвын, неуклюжий, с большими лапами, тот самый, который побоялся сказать о пропавшем яйце и заменил его камнем.

Якорь



В морском музее, на низеньком дощатом помосте, лежал якорь. Почерневший, весь в ямках и буграх, с инвентарным номерком на тяжёлой лапе, он не интересовал посетителей. Экскурсоводы тоже не задерживались около него.

«Вот якорь, — говорили они. — Ему двести лет». И шли дальше — к моделям фрегатов, к корабель-

ным пушкам, к вымпелам и флагам.

Нет, якорь не равнял себя с флагом или пушкой! Он сам был из меди и знал лучше других, каково приходится медной пушке, когда у неё внутри взрывается порох. Его даже не огорчал инвентарный номерок. Номерок прикрутили проволочкой для порядка. А тот, кто долго плавал и знает корабельную службу, не может не любить порядок.

Плохо было другое: якорь не понимал, почему о нём говорят только то, что ему двести лет. Какая разница — сто тебе, или двести, или всего один год! Для якоря важно не это…

Как-то в музей пришли отец и сын. Отцу надо было отлучиться, и он оставил сына около якоря: тут стоять было спокойно.

Мальчик обошёл якорь, а потом, хотя это и запрещено в музеях, провёл рукой по его чёрным корявым лапам. Якорь вздрогнул от прикосновения тёплой ладошки…

«Вот бы рассказать этому мальчугану о себе! — расчувствовался вдруг якорь. — Жалко, люди не понимают наш язык».

Но тут увидел он на куртке мальчика якорёк. С якорьком-то можно было говорить!

— Слушай, малышка! Хочешь, я тебе расскажу что-то? Ну-ка, навостри уши!

Шли мы у африканского берега. И там налетел на нас шторм. На мачтах не было ни одного паруса, а бриг летел к берегу: такой ветер дул! Скверная получалась штука. У берега корабль сел бы на мель, и волны разломали бы его в щепки. Думать было нечего. Я кинулся в воду, дошёл до дна и вот этими лапами вцепился в грунт.

Там, наверху, ветер нажимал на корабль со страшной силой, и я пахал морское дно. Застрять бы в камнях… Я знал, что для якоря это плохо кончается. Но всё равно хотел, чтобы получилось так. И я застрял в камнях. И двое суток держал бриг.

Потом шторм кончился. Меня начали поднимать. А я уже знал, что из этого ничего не получится. Канат, который соединял меня с бригом, обрубили. Я остался в камнях. А бриг, подняв белые паруса, ушёл. Он ушёл, а я остался лежать в солёной глубине между камнями, обросшими водорослями.

Я утонул. Понимаешь, малыш? А я так привык к кораблю… Я никогда не думал, что разлучусь с ним. Но ты, может, думаешь, я жалел, что застрял в камнях? Нет! Я утонул, но бриг-то остался на воде, где чайки и солнце. И он, конечно, поплавал на славу…

Вернулся отец. Он взял сына за руку и увёл с

собой.

«Плохо получилось, — подумал якорь. — Получилось, будто я жалуюсь на свою судьбу. А судьба моя даже завидная: меня нашёл водолаз, я в музее рядом с пушками и флагами. А сколько якорей лежат на дне моря! И будут лежать там, и никто никогда ничего не узнает о них».

Белая шхуна



Это была лёгкая и быстрая шхуна. Когда глядели на неё издали, казалось, не корабль плывёт по волнам, а летит над волнами белая птица.

Все в море знали шхуну. Океанские лайнеры, возвращаясь из кругосветных рейсов, гудели для неё басом, лодки у берега, подскакивая на волнах, кланялись ей.

Шхуна была красива. Но на море одной красоты мало. И главным её достоинством было умение плавать. А как точно она вставала у причала! Как легко находила свою дорогу между кораблями, когда они толпились в порту!

Капитаном на шхуне был человек с суровым лицом. Но его глаза смотрели до́бро и ласково. А суровое лицо? Оно такое потому, что в море дуют ветры, хлещут волны. И ещё потому, что под кораблём нет земли, а есть бездонная глубина.

Шхуна верила в своего капитана. Капитан верил в шхуну. Оттого-то они так счастливо плавали. На море самое главное — верить друг другу.

Но однажды случилась беда: наскочила шхуна мину. Мина осталась от войны. Она долго бродила по морю, выставив из воды позеленевшую макушку с тупыми рогами, и всё искала, кого бы утопить.

Шхуна вздрогнула от взрыва. Казалось, он ничего не сделал ей — только обжёг белый борт жёлтым огнём. Казалось, надо только миновать вспышку огня — и всё будет хорошо, как прежде. Но вода уже хлынула в пробоину. Шхуна отяжелела, начала уходить в глубину.

Матросы спустили шлюпки, сели в них; радист

передал сигнал бедствия, тоже сел в шлюпку. А капитан стоял на тонущем корабле. Ему кричали, его торопили, а он всё стоял. Потом и капитан оставил шхуну.

Матросы взмахнули вёслами — шлюпки ушли от страшного места.

Шхуна опустилась на каменистое дно. Она не легла на бок, как бывает с затонувшими кораблями, а встала между камнями прямо, будто плыла прежним курсом.

Её окружила тёмная вода.

Никакого движения не чувствовалось здесь, и тишина была такая, какая ещё может быть в самой середине тяжёлой горы.

Борта шхуны, палубу, мачты облепили ракушки, оплели водоросли. Когда-то белая и лёгкая, шхуна теперь напоминала косматую скалу.

Над морем вставал день, опускалась ночь. Над морем сменялись времена года. А на морском дне ничего этого не было. Как туманные сновидения, к шхуне приходили воспоминания. Виделись знакомые корабли, слышались их гудки, мигали огни в порту. И неизменно виделся человек, который последним оставил её. «Где-то он теперь? Помнит ли шхуну? А может, забыл, став капитаном другого корабля?»



Время на дне моря шло незаметно, но так же быстро, как и над морем. Шхуну заносило пес ком. И она стала забывать всё, что с ней было раньше. Забыла маяки, причалы. Забыла, как блещут звёзды, как светит солнце, как приходит

лето, как наступает осень с ураганами и штормами, — всё забыла. Но по-прежнему помнила человека, который последним сошёл с её борта. Занесённая песком, в тёмной глубине, она желала только одного: «Пусть капитану счастливо плавается по морям!»

А капитан? Да, он плавает на другом корабле. Но в его каюте на синей морской карте нарисован кораблик, похожий на белую птицу.

Когда капитану доводится плыть в том месте, которое отмечено на карте белым корабликом, он выходит на мостик, снимает фуражку и долго-долго стоит молча. Солнце ли печёт, ветер ли несёт ледяные брызги, летят ли молнии из грозовых туч, он стоит с непокрытой головой, исполняя закон верности — самый главный закон моря.

Почтовая бутылка



В матросском сундучке, обитом медными полосками, между пачкой крепкого табака и тельняшкой, скатанной в трубку, лежала бутылка. Бутылка из зелёного стекла.

Она попала туда после весёлого праздника в честь морского бога Непту́на. На каждом корабле бывает такой праздник, когда корабль переходит из морей северных в моря южные. В тот день мат-

росы сидели на палубе и пели морские песни. На солёном ветру бутылка сама подпевала морякам. И чем меньше вина оставалось в ней, тем громче тянула она своё «угу-гу».

Матросы были ладные люди. Их кожа потемнела на солнце, их волосы на солнце побелели, выгорели. Руками они могли гнуть железо и этими же руками писали ласковые письма детям и жёнам. Стоит ли удивляться, что бутылке было приятно плавать на одном корабле с ними. Она тоже любила плеск и грохот волн, скрип балок в трюме и не боялась, когда матросский сундучок начинал метаться по каюте. Это шторм раскачивал корабль, что в общем-то на море случается часто.

Однажды волны гремели особенно яростно. Сундучок прыгал по каюте, бутылка каталась в нём, натыкаясь то на пачку табака, то на тельняшку. Вдруг сундучок замер на месте. Бутылка испугалась. Ведь это означало, что корабль тоже внезапно остановился. Кто мог остановить его в бушующем море? Может быть, кит? Но киты уплывают от шторма в тихие воды…

Прошло какое-то время, сундучок опять начал качаться, а потом его крышка открылась. Бутылку взял в руки матрос.

«Угу-гу! Какой страшный ветер! — загудела бутылка. — Как низко идут тучи! Какие огромные волны! Как ломают они корабль, налетевший на камни!.. Угу-гу! Как мал остров, на который выбрались матросы, — просто скала в открытом море! Что же станет теперь с вами, храбрые люди? Кто спасёт вас, кто приплывёт за вами к этой скале?»

— Только ты можешь нас выручить, — сказал матрос и поднял бутылку высоко вверх. — Ты из крепкого стекла, из зелёного стекла. Помоги нам — донеси людям весточку о нашем несчастье.

«Угу! — коротко ответила бутылка. — Да. Конечно! Не сомневайтесь! Я буду плыть бесстрашно, как плавали вы на своём корабле. Я доплыву до людей, расскажу о беде. Они придут на помощь».

Матрос вложил в бутылку записку, залепил смолой горлышко, чтобы не попала вода. После этого опустил бутылку в море. Волна подхватила её, подкинула, передала другой волне с белым пенным гребнем. Скоро ничего, кроме гремящих волн, не было вокруг зелёной бутылки.

Но она плыла без страха.

Страх ведь проходит, когда знаешь, что только ты — и никто другой! — можешь спасти товарищей.

Как волны бегут друг за другом, так бежало время. И дни были похожи на белые верхушки волн, а тёмные ночи — на пропасти между водяными валами. Может, неделя прошла так, может, больше. Море понемногу успокаивалось. Заблестело солнце. Из далёких глубин поднялись к поверхности воды рыбы. Толпы медуз, выставив на ветер свои прозрачные парусочки, путешествовали по безбрежному царству.

Плыла и бутылка. Ей уже стало казаться, что море потопило все корабли, залило всю землю и есть только она, бутылка, да на голой скале моряки, потерпевшие кораблекрушение. Но где-то далеко земля по-прежнему возвышалась над водой, и где-то плыли корабли.

Однажды в тихую ночь бутылка увидела красную звёздочку и зелёную звёздочку. Две звёздочки, не такие, как все, приближались к ней. Это были сигнальные огни корабля. Как обрадовалась бутылка! Наконец-то она поведает людям о моряках, которым нужна помощь.

Корабль подошёл совсем близко. Бутылка видела его круглые светлые окна, видела матросов, облокотившихся на поручни. А матросы не видели её. Они смотрели на небо, усыпанное созвездиями, как серебряным песком. Если бы

крикнуть им: «Угу! Остановитесь!» Но ведь не могла крикнуть бутылка: её горлышко было залеплено смолой.

Тогда она подплыла вплотную к чёрному борту, обросшему ракушками. Стала стучать в него. Только не услышали её: в середине корабля в тысячу раз сильнее стучала машина.

Дни сменялись ночами. Ночи сменялись днями. Дни и ночи были похожи на волны бегущего времени. Бутылка продолжала плавание.

Как-то на рассвете перед ней открылся берег. К утру она была совсем близко от него. Сразу за полосой прибоя, за жёлтым песком, росли пальмы, стояли дома. Из домов к морю шли люди, они были в разноцветных купальных костюмах, на них были лёгкие шляпы с широкими полями, они несли зонтики, пёстрые мячи.

Счастливые люди прыгали в воду, барахтались в ней, вверх летели брызги, в брызгах вспыхивала радуга. Людям было весело, и ни кто не догадывался посмотреть в морскую даль. Только мальчик, строивший башню из сырого песка, вдруг посмотрел в морскую даль.

— Мама! — сказал он. — Я вижу, там плывёт бутылка…

— Какой ты ещё маленький! — улыбнулась

женщина и бросила мяч подруге. — Ты всё ещё веришь сказкам о бутылках…

Как хотелось зелёной бутылке крикнуть в эту минуту: «Поверьте мальчику!» Но она не могла крикнуть…

До самого вечера бутылка плыла вдоль берегов. А к ночи подул ветер. Море закачалось, загремело. И ещё на много дней бутылка исчезла в морской пустыне.

Снова приблизилась она к берегу только осенью. Берег был закрыт густым туманом. Над серой зыбью стояла тишина. В этой тишине слышалась песня:

Улетели от родной земли,
Словно птицы, в море корабли.
Год прошёл, и вот уже назад
Корабли счастливые летят.
Одному лишь было суждено
Опуститься на морское дно…

Это девушка на берегу оплакивала отца-моряка и его товарищей.

«Они живы. Только им надо помочь!» — хотела крикнуть бутылка. Но не крикнула. Она ведь не могла крикнуть: её горлышко было залеплено

смолой.

«Ах как плохо, что на море туман, — подумала бутылка, — а глаза девушки полны слёз: слёзы тоже мешают смотреть».

Но, может быть, девушка вытерла в эту минуту слёзы, и, может быть, в эту же минуту чуть дунул ветер и чуть рассеялся туман. Только девушка вскрикнула:

— Я вижу бутылку! Так моряки посылают весть о себе…

Она побежала с высокого берега к лодкам, столкнула лодку на воду, поплыла. И подобрала бутылку из воды.

Самый быстрый корабль отправился на помощь матросам. Много людей провожали его. Они собрались на пристани, махали шляпами, платками. И каждый из них думал: как важно смотреть в морскую даль. Штормы и бури будут всегда, и всегда кому-то будет нужна помощь.

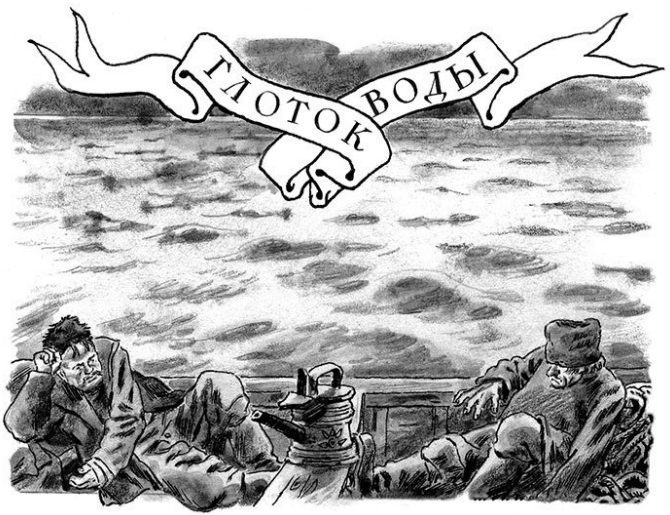
Дочь моряка стояла рядом с ними. Она прижимала к груди бутылку и тихо спрашивала:

— Они ведь живы? Они скоро вернутся? И отец обнимет меня?

Бутылка из зелёного стекла отвечала ей:

«Угу. Да. Конечно. Непременно вернутся».

Глоток воды



В ту пору ещё не было пароходов, и плавали под парусом да на вёслах. В большом поморском селе жили тогда два парня: Андрей и Прошка. Они много знали из морского дела. Сёмгу ловили ловушками-мерёжами, селёдку у норвежских берегов брали, ходили на кораблях-карбасах промышлять во льдах тюленя.

Дружными были Андрей и Прошка. Поровну, без спора делили добытое в море. На гуляньях обоим бывало весело: сколько песен один споёт, столько споёт другой. А девушки никак не могли рассудить, какой рыбак нравится им больше.

Но однажды пришлось Андрею и Прошке делить меж собой беду. Застала их на море буря. Унесла она лодку далеко от берега. Как далеко, парни не знали. Знали только, что в эту даль никто не приплывёт за ними, никто не найдёт их в этой дали.

Они не собирались в море надолго. Припасов взяли с собой мало. Скоро начали голодать. Был у них жбан с водой. Стали рыбаки воду беречь и считать её глотки́. Глоток — Андрею. Глоток — Прошке. Человек может долго не есть, но не пить долго не может. Без воды скорая смерть человеку. А Прошке и Андрею ох как не хотелось умирать!..

Андрей лежал в лодке у кормы, Прошка — на носу. Между ними стоял жбан. Когда казалось поморам, что уже приходит смерть, они брали жбан и пили по глотку. Глоток — Андрею. Глоток — Прошке.

Пришёл день, когда осталось воды в жбане на два глотка ровно. Рыбаки посмотрели друг на дру-

га, словно прощаясь, и стало им очень жалко друг друга. Они заплакали бы. Но нечем им было плакать: слёз не было у них. Слёзы ведь тоже вода.

— Ох, Андрей, Андрей! — заговорил Прошка. — Сколько воды кругом — целое море! А не напиться. Будь оно, море, проклято! Хоть всё выпить — не напиться! Была бы моя воля, превратил бы я его в кружку колодезной воды…

— Я много за кружку дал бы, — ответил Андрей, — и мерёжи свои, и дом… И всю рыбу, какую ловил бы, и зверя, какого добыл бы. А моря не отдал бы! Не моё оно, море. Нам с тобой смерть в нём — поморам смерть без него. Как они будут жить без моря, чем кормиться? Нет уж, пусть море будет вечно.

— Значит, не очень хочешь ты пить, если говоришь так… — прохрипел Прошка. — У тебя, верно, глотки́ больше, чем мои. И ты больше меня выпил.

Тут схватил Прошка жбан, прижал его к губам и выпил свой глоток. И чужой выпил. Он долго ещё сосал горловину жбана, пока не упал на дно лодки.

Андрей ничего не сказал товарищу. Может быть, он не знал, что сказать. Может быть, не хотел. А может быть, не было у него сил прошеп-

тать слово.

…Случилось, на лодку наткнулись зверобои. Андрей и Прошка ещё были живы. Зверобои вы́ходили их, доставили домой. Парни поправились. Стали собираться снова в море. А о том, что произошло меж ними, какой разговор тогда был, никому не сказали.

Провожать Андрея и Прошку пришло всё село. Все желали им удачи. Был час прилива. К берегу катилось море. Водяной вал выбегал на сушу и, разлившись, пропадал в песке, оставляя, как отметину своей силы, полосу пены. Тут же бежал новый вал. Он гремел ещё сильнее, ещё дальше на песок кидал пену.

Андрей выбрал время, толкнул свою лодку навстречу волне. Лодка подскочила на гребне. Андрей ударил вёслами, сорвал лодку с гребня, и она понеслась в море.

И Прошка толкнул свою лодку. А вода ударила её под днище и выбросила на песок. Прошка стянул лодку с песка, снова толкнул. Вода опять отшвырнула лодку. В третий раз, когда показалось всем, что Прошка удержится на гребне, с моря — из самой его глубины, что ли? — прикатился гремучий вал. Он ударил Прошкину лодку и выкинул далеко за чертой пены, за грядой

камней, на сухой луг. Прошка поднялся на ноги, стёр мокрым рукавом песок с лица, поглядел на поморов.

Дети, испуганно озираясь, девушки, закрыв лица платками, побежали к домам. А старики стояли на месте и глядели в землю. Но вот и они пошли в село.

Знали поморы: если море не пускает к себе человека, значит, человек Когда-то сильно обидел море. А тот, кто обидел море, может обидеть друга, даже может выпить его глоток воды, когда в этом глотке вся жизнь.

После этого ушёл Прошка в лесá, и никто его больше не видел. Но говорили, будто бы каждый год, когда море очищается ото льда и начинается весенний промысел, на берегу появляется человек, похожий на Прошку. И как встанет этот человек у моря, море начинает гнать к берегу льдины. И на целую неделю снова наступают холода, от которых гибнут птицы, прилетевшие на взморье вить гнёзда.

Щеглы для флота



Саша Клоков до военной службы был механизатором. Он умел управлять любой колхозной машиной. Весной на тракторе пахал поле. Летом убирал комбайном пшеницу. Осенью картофелекопалкой выкапывал картошку. Зимой бульдозером расчищал дороги от снега. В деревне все думали, что в армии Саша будет танкистом.

«Ему только научиться из пушки стрелять, — говорили о Саше, — а машины он знает».

Но Сашу взяли на флот: там тоже нужны люди, которые знают машины. Однажды Саша приехал домой — в отпуск за отличную службу. Он ходил по деревне в бушлате, брюках клёш и в бескозырке с лентами. Саша гордился морской формой. Да и моряк он был особый — плавал на подводной лодке, на атомном ракетоносце.

Саша зашёл повидаться к деду Сергею. Дед Сергей, бабушка Дуня и внук Сергей обрадовались. Поставили самовар. Достали мёду. За чаем расспрашивали, большая ли она, атомная лодка? Глубоко ли опускается? Какой силы ракеты?

— Не полагается рассказывать о лодке, — отвечал Саша. — Это военная тайна. Скажу только: плавали глубоко. Месяцами не поднимались на поверхность океана. Лодка большая. Есть даже садик в ней: там цветы, фонтанчик бьёт, птицы летают. Товарищи просили привезти ещё парочку щеглов. Щеглы поют хорошо. Да не знаю, как поймать их.

— Ну и задача! — засмеялся дед Сергей. — Для флота мы с внуком поймаем хоть сотню.

Вечером дед Сергей и внук Сергей делали петлянку: из конского волоса вязали петли и закрепляли их на доске. Утром дед и внук полезли через сугробы в огород. Около бурьяна петлянку

положили на снег, насыпали конопли и стали ждать, стоя поодаль. Недолго ждали. На бурьян опустилась стайка: снегири, щеглы, чечётки. Самые бойкие кинулись на коноплю. И запутались лапками в петлях.

— Беги, Серёга, зови моряка! — сказал дед. — Пусть сам выберет, какие нужны. Да чтобы валенки обул, иначе клёши в сугробах испортит.

У Саши была припасена клетка. Посадили в неё щегла и щеглиху. Других птиц отпустили.

Скоро Саша уехал.

Бабушка Дуня, когда проводили моряка, сказала деду и внуку:

— Я думала, он посмеялся над вами. А он и вправду птиц повёз на море.

— На чужой сторонушке рад родной воронушке, — ответил дед Сергей. — Шутка ли, месяцами под водой да под водой, у машин да у ракет. А тут зашёл в садик — щеглы поют. Всё полегче станет. Правильно я говорю?

— Правильно! — подтвердил внук Сергей.

Про себя-то маленький Сергей думал, что совсем правильно было бы, если Саша взял бы и его с собой. На тракторе он с Сашей ездил, на комбайне, на бульдозере тоже. Почему бы не поплавать на подводной лодке. Лодка большая

— всем хватит места.

Капля



На мой плащ упала капля. Она прокатилась по рукаву от плеча до локтя и застряла в складке.

Дождь в это время кончился, засветило солнце. Солнце отразилось в капле, и от этого она сама стала казаться маленьким лучистым солнышком.

— Ну ладно, — сказал я капле, — хватит пус-

кать мне в глаза такие яркие зайчики. Лучше бы… Лучше бы рассказала что-нибудь о себе. Где родилась, например…

Так я это сказал, в шутку. А капля вдруг совершенно серьёзно ответила:

— Я родилась в роднике. Видели родники в лесных оврагах?

Мне приходилось видеть родники в лесных оврагах. Но я промедлил с ответом: я ещё сомневался, капля ли это говорит, — может, кто разыгрывает меня. Капля поняла моё молчание по-своему и стала рассказывать, какой он, родник, как бьётся на его дне водяная струй ка — чистая, холодная. А струйка — это толпа капель. Капли дружные: куда одна покатится, туда и все бегут.

Рассказывая, капля звенела, журчала, а иногда в запальчивости булькала даже. Мои сомнения рассеялись, и я задал ещё вопрос:

— А куда вы, капли, бежите?

— В море! — ответила капля и немного засмущалась. — Всем нам, как только мы появимся на свет, почему-то хочется быть просоленными моряками, хочется носить на себе огромные корабли. Конечно, одной капле это не под силу, но, когда нас много, мы легко поднимаем и корабли.

— Ну и как там, в море?

— Я знаю это только с чужих слов, — ответила капля. — Вряд ли будет интересно, если рассказывать с чужих слов. А сама я море видела с такой высоты, что оно казалось болотцем.

— Вот как! — удивился я. — Расскажи-ка, как ты забралась на такую высоту?

— Так уж получилось, — улыбнулась капля. — К тому времени я уже повидала кое-что. Вместе с другими каплями давно рассталась с родником. Мы текли в зелёных берегах. Нас было так много, что мы назывались рекой.

Однажды на берег пришёл человек. Он спустился к самой воде и ведром зачерпнул меня и моих соседок. Сделано это было очень бесцеремонно. Многие капли рассердились и выплеснулись из ведра. Я, верно, тоже выплеснулась бы. Но я была на самом дне и поэтому через минуту попала в радиатор грузовика. Человек был шофёром, он подъехал на автомобиле к реке, чтобы долить воды.

— Сидеть в радиаторе — это не то что журчать по камешкам! — посочувствовал я капле.

— Как вам сказать?.. — ответила капля. — Конечно, пришлось попотеть. Но, знаете, это была настоящая работа. Нас было не так уж много, а мы не дали перегреться мотору. Мы сами почти

кипели, но забирали жар у мотора и мчались в радиатор. Там, на ветру, остывали немного и снова бежали в мотор. Когда грузовик ехал в гору, я так нагрелась, что превратилась в пар. Тут сквозь крышку радиатора я вылетела на воздух.

Капля умолкла, но через минуту продол жала:

— Я стала лёгкой-лёгкой, легче пушинки. Я стала невидимой. Это было так странно, непривычно, что, пока я приходила в себя, грузовик уехал далеко. Солнце пекло. Ветра не было. И я летела прямо вверх. Мне было и страшно и радостно. Я очень пожалела, пролетая мимо ястреба, парившего в небе, что он не видит меня. Кто же заметит каплю, превратившуюся в пар? Однако я недолго была такой. Стало вдруг так холодно, что я превратилась в ледышку.

«Немало пришлось пережить этой крохе!» — подумал я, глядя на каплю.

Капля будто угадала, о чём я думаю, и продолжала:

— Нет, это нисколько не огорчило меня: ради того чтобы лететь над землёй, можно пережить и не такое! Как красива земля, знают только воздушные путешественники. Но вот что самое важное… — тут капля так засияла, засверкала, такие яркие огоньки вспыхнули на ней, что я по-

нял: сейчас будет сказано действительно что-то очень важное. — Самое важное, — торжественно продолжала капля, — что земля становится дороже, чем выше поднимешься над ней, чем дальше от неё будешь. Я видела солнце и звёзды не такими, как видят их все, я видела волшебной красоты утренние и вечерние зори. Но когда я вспомнила ветлу, которая росла над нашим родником, её тонкие ветки, её узкие листья, её морщинистую кору, мне захотелось заплакать. И хотя я была ледышкой, где-то во мне нашлись горячие слёзы. И я заплакала.

— Что же было дальше? — спросил я каплю дрогнувшим голосом.

Голос дрогнул у меня потому, что я вспомнил, как сам летел в самолёте и подумал тогда, что нет ничего страшнее на свете, чем кружить всю жизнь высоко над землёй, видеть её, но не иметь возможности опуститься на поляну, заросшую белым клевером.

— Что было дальше? — переспросила капля. — От горячих слёз я растаяла и снова стала каплей. Тут я увидела рядом другие капли: оказывается, не одна я была в небе. Стал дуть ветер. Он закружил нас, и мы, сталкиваясь друг с другом, обнимались от радости. И мы не заметили, что

начали падать на землю.

Я посмотрел вокруг и увидел множество капель на листьях, на травах, на заборе… На тропинке капель не было, но были их следы — крохотные тёмные кружочки. Эти капли уже просочились в землю, чтобы где-то в темноте со браться вместе, снова родиться в роднике и начать свой бег к морю. Тогда я посмотрел на каплю, которая была в складке плаща. Капли не было.

Пока я смотрел по сторонам, солнышко нагрело её. Она опять отправилась в путешествие над землёй. Мне было досадно, что я не по прощался с каплей, не пожелал ей счастливого пути и благополучного возвращения. Верно, капле было страшно снова расставаться с землей. Но тут сверху я услышал вдруг голосок. Он звенел, он радовался:

— Счастливо оставаться! Я снова лечу. Лечу…

Лапочка с красного бакена



Бакен плавал на самой середине реки. Был он сделан из жести, покрашен суриком и издали походил на огромный поплавок. Чтобы не уплыл он никуда, к его днищу была привязана цепь с якорем. Якорь увяз в глинистом дне и надёжно держал бакен на месте.

На самой верхушке бакена жила лампочка.

Обычная электрическая лампочка, родные сёстры которой есть в каждом доме.

Лампочка родилась на заводе. После того как она научилась гореть, ей выдали футлярчик из мягкого картона, поместили в ящик вместе с другими лампочками и повезли. Лампочка радовалась этому: она знала, что в любом месте, куда бы её ни привезли, она будет светить. А это было самым главным, это было смыслом жизни.

Однажды ящик открылся, и лампочка оказалась в руках бакенщика. Бакенщик положил её в карман брезентового плаща. Вскоре послышался тихий, мерный скрип. Скрипели тихо и мерно, в лад взмахам, вёсла лодки, плывущей к бакену.

— Ну вот и хорошо! — сказал бакенщик, когда установил лампочку на место.

«Да, кажется, неплохо!» — согласилась про себя лампочка.

Бакенщик уплыл, и лампочка принялась с любопытством рассматривать всё вокруг.

Далеко во все стороны, насколько можно было видеть, бежали низкие синие волны. Они легонько вскидывали бакен, бакен плавно переваливался с боку на бок. От этого постоянного качания у лампочки закружилась голова. Но то ли потому, что скоро привыкла, то ли потому,

что воздух на реке был таким свежим, лампочка стала чувствовать себя прекрасно.

Скоро на бакен прилетела белая чайка. Она часто отдыхала здесь и, чтобы сразу наладить дружеские отношения, рассказала лампочке о том, что живёт у дальнего берега, в камышах, что есть у неё птенцы и что они очень любят уклеек. Отдохнув, чайка ещё раз поздравила лампочку с назначением на бакен.

— Очень удачно вы устроились! — крикнула она с высоты. — Вы совсем не будете терять времени, чтобы добираться к месту работы.

В воде под бакеном мелькали стаи рыб. На них было интересно смотреть. Но тут из-за поворота реки, из далёкой дали, где зелень лесов сливается с голубым небом, выплыл пароход. Он был похож на белую гору. Лампочка во все глаза глядела на него, слушала музыку, которую доносил с палубы ветер.

Над капитанской рубкой взлетело белым шариком облачко пара, и над рекой пронёсся гудок. Пароход гудел басом. Его голос понравился лампочке. Она даже подумала, что это приветствие ей. И когда бакен подскочил на волнах, катившихся от парохода, лампочка не рассердилась, а закивала в такт ударам волн. Ей очень хотелось,

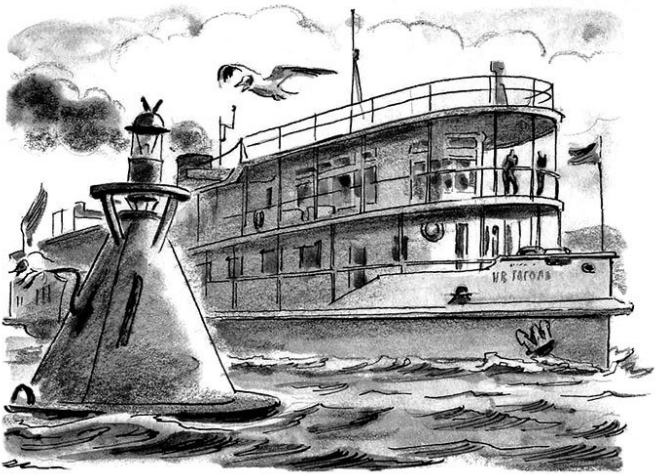
чтобы скорее наступила ночь, — тогда бы она показала, как ярко может светить, указывая путь красавцам пароходам.



Ночь была тихая, лунная. Свет луны лежал на реке ровной полоской, словно с берега до берега

перекинулась светлая тропинка. И от лампочки тоже уходила тропочка. Она то пропадала, то возникала снова — это потому, что лампочка то вспыхивала, то гасла. Так вспыхивали и гасли все лампочки на бакенах, что высвечивали путь вдоль обоих берегов реки — от самого её истока до самого моря. А мимо этих мигающих огоньков спокойно плыли пароходы, полные людей, и баржи, полные товаров, и плоты — длинные, сырые, пахнущие сосновым бором.

Под утро реку, и берега её, и низины на берегах затянуло туманом. Лампочка ничего не видела вокруг себя. Позади, спереди, справа, слева, закрывая воду и небо, неподвижно лежала сырая мгла. Лампочке, хотя она всю ночь светила и нагрелась в работе, стало зябко. Но вот вверху начало розоветь — это пробивались лучи солнца. Солнце поднялось высоко и грело воздух. Потянул ветерок. Туман зашевелился, словно живой, и стал таять.



Откуда-то издали донеслись до лампочки крики чайки. Птица вынырнула из тумана, села на бакен.

— Ну, как дела? — спросила белая чайка лампочку.

— Хорошо! — ответила лампочка и смути-

лась. — Туман напугал немножко. Было так одиноко… Я ведь первый раз вижу туман.

— Совсем не подумала об этом, — сказала чайка, — я-то знала, что будет туман. Мы, речные жители, чувствуем, как изменится погода. Мне следовало предупредить тебя. Сегодня ты можешь спокойно отдыхать: день наступил тихий, жаркий.

Так стала жить и работать на бакене лам почка.

Однажды под вечер она увидела чайку. Чайка быстро взмахивала крыльями, летела над самой водой. Она не села на бакен, как это делала раньше, крикнула на лету: «Будет буря! Берегись!» — и понеслась к далёкому берегу.

«Чудно́! — подумала лампочка. — Так тепло на реке! Может, чайка спутала что-нибудь?»

Но тепло и тихо было недолго. Из-за края земли, из-за леса, вышла туча. Сначала её чёрный клин был чуть виден на светлом небе. С каждой минутой клин увеличивался, скоро врезался он в небо и выщербил край его. Ветер пронёсся над рекой, взъерошил волны, подхватил брызги, разбил их в мелкую водяную пыль и понёс. Бакен под ударом ветра вздрогнул, провалился на мгновение в пустоту. Налетевшая волна не дала ему падать

ниже, ударила в днище, подбросила вверх.

«Началось!» — в тревоге подумала лампочка.

Загремел гром. Вначале он гремел далеко, глухо. Потом загрохотал над самой лампочкой. Белые раскалённые молнии рассекали чёрную тучу и исчезали в бурлящей воде. Пошёл дождь. Стало темно.

В это время из-за завесы дождя неожиданно, как-то сразу, появился теплоход. Огромный, с чуть наклонённой назад трубой, белый, как цвет вишни, он спокойно плыл по пенным вол нам.

Но не его увидела лампочка. Она увидела яркий свет, который шёл из круглых окон теплохода. Там, в тёплых сухих каютах, горели лампочки. Они горели под цветными абажурами, широкими и плоскими, как китайские шляпы, или под тонкими, округлыми, словно громадные цветы ландыша, а ещё в узких прозрачных трубочках, напоминающих длинные рога.

Лампочка загляделась на эту картину. Она уже не помнила, что ей самой надо сейчас светить. Ей захотелось на теплоход, захотелось бежать с грозной и страшной реки в большой город, где можно попасть в праздничную гирлянду лампочек или даже в хрустальную люстру театра.

Лампочка решилась. Она приготовилась бро-

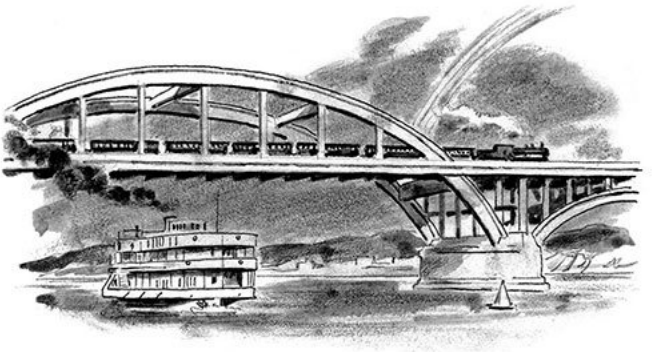
ситься в воду, как только теплоход поравняется с бакеном. Кто-то ведь протянул бы ей руку с его борта!..

Но тут заметила она, что теплоход движется прямо на неё, на красный бакен, на мель, которой бугрилось здесь речное дно. Лампочка вздрогнула и вспыхнула ярко-ярко…

Теплоход круто повернул. Его высокий белый бок оказался совсем рядом с бакеном. Мимо лампочки проплыли круглые светлые окна, шлюпки, закрытые брезентом, мокрый флаг на корме — он трепетал и бился в порывах ветра.

Вскоре всё это исчезло в потоках дождя. Лишь вспышки молний на мгновение вырывали из темноты уходивший теплоход. А лампочка с верхушки бакена, как с крохотного островка, затерянного в бушующей воде, всё светила и светила.

Пусть испугалась лампочка. Но она не бросила свой пост в страшную ночь, когда светить очень трудно. И за это слава лампочке с красного бакена!



Рассказы о русском флоте

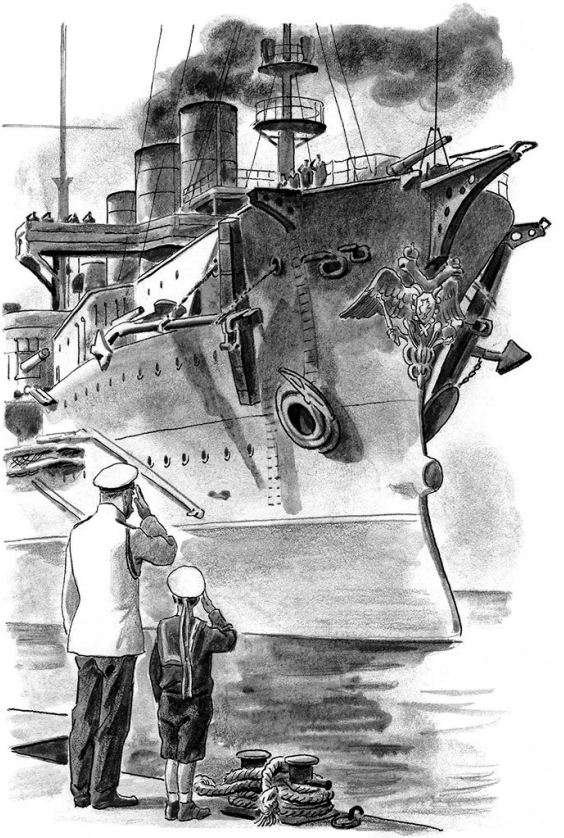
РАССКАЗЫ О РУССКОМ ФЛОТЕ



Корабли-герои



Россия — великая морская держава. По разным морям и океанам плавают наши торговые суда и военные корабли. Нелёгкое дело — морская служба. Но нашим морякам есть с кого брать пример. Никогда не забудутся имена мужественных адмиралов и отважных матросов прежних времён.



Более чем за триста лет своего существования моряки российского флота совершали кругосветные плавания, открывали неведомые земли и воевали — защищали родную страну от врагов. Созданный по воле Петра Великого руками и талантом русских людей отечественный флот помог России завоевать уважение европейских стран. Можно сказать, что в число великих мировых держав Россия вошла на парусах линейных кораблей[1] и фрегатов[2].

Огромные изменения произошли за триста лет в облике кораблей и силе флота. Но остаётся неизменным содружество моряков, как прежде со своими парусниками, так и теперь со своими пароходами и атомоходами. Великий русский флотоводец Степан Осипович Макаров считал корабль живым существом, одушевлённым исполином, послушным воле своего командира. И потому честь победы в бою на равных принадлежит и команде, и кораблю.

---

[1] Примечания: 1

Лине́йный корабль — самый большой парусный трёхмачтовый корабль XVIII–XIX вв., с вооружением до 130 пушек на двух-трёх палубах. Вёл бой, находясь в линии, т. е. располагаясь один за другим.

[2] Примечания: 2

Фрега́т — трёхмачтовый парусный корабль, имевший большую скорость, на двух палубах которого располагалось до 60 пушек. Предназначался для самостоятельных боёв и дальней разведки.

Жизнь кораблей, и деревянных и железных, недолгая, даже если они не погибли в бою. Корпус разрушается в солёной морской воде, машины изнашиваются. Изобретатели постоянно совершенствуют механизмы и оружие: надо заменить устаревшее новым. Деревянный корабль, отслуживший своё, разберут, всё сгнившее сгорит в огне большого костра. Железный корабль разрежут на части и отправят на переплавку. Но если это корабль-герой, память о нём не исчезнет: его имя перейдёт на борт будущего героя.

На Руси издревле во многих семьях было принято давать мальчику имя деда или прадеда, девочке — имя бабушки или прабабушки. Так пополнялась родословная семьи, сохранялась история рода. Подобное происходит и на флоте: повторяя названия кораблей, моряки связывают времена минувшие со временем настоящим, сохраняют историю российского флота, а с ней и историю Отечества.

Три века — протяжённое время. Много раз российским эскадрам довелось оглашать моря громом орудий, много славных побед было одержано в морских сражениях. Потому в списках флота России несколько несхожих видом «Гангутов», несколько «Полтав», «Стерегущих», «Рюриков»,

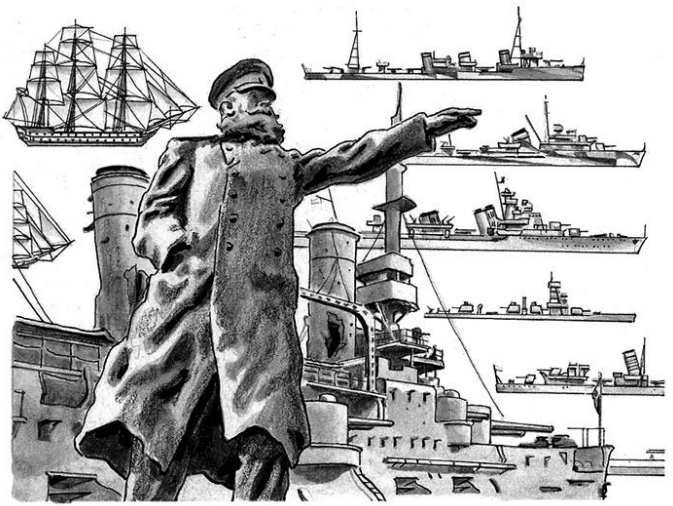
«Пантер», «Безупречных», «Новиков»… Кораблитёзки, а лучше сказать — соименники, разделены десятилетиями и даже веками… В наше время на водных просторах Отечества можно встретить и ладьи[3], и карбасы, и кочи[4] — точные копии тех старинных судов, что Когда-то, очень давно, в допетровские времена, служили нашим предкам. Их строят, на них плавают (поморскому — «ходят») наши современники, знающие и любящие флот. Такие корабли тоже достойны внимания и почтения: в них хранится память о начале нашего мореплавания.

[3] Примечания: 3

Ладья́ — старинное славянское парусно-весельное судно, приспособленное для дальних плаваний. Строилось в России до конца XVII в.

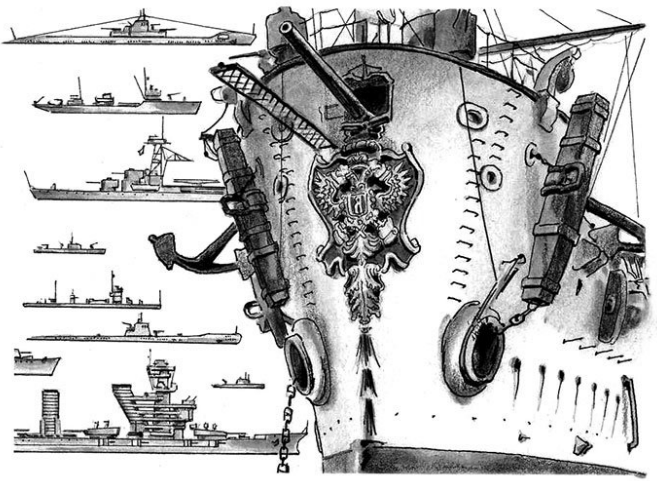
[4] Примечания: 4

Коч — старинное поморское плоскодонное парусно-гребное судно, приспособленное для плавания в замерзающих водоёмах.



На протяжении трёх веков под российским андреевским флагом ходили тысячи кораблей и судов. Название флага связано с именем апостола Андрея Первозванного, которого православная церковь считает покровителем земли русской. Начав строительство кораблей, Пётр I учредил

и военно-морской флаг — на белом поле синий диагональный крест. На таком кресте враги христиан распяли святого Андрея. Сохранился рисунок вымпела, собственноручно сделанный царём.



Но кроме флага, как известно, украшает ко-

рабль имя. Названия на борту многочисленны и разнообразны: от величественного — крейсер «Россия» — до курьёзного на первый взгляд — бриг «Авось» (так именуется остров-скала в гряде Курильских островов). Из однословных названий кораблей разных веков можно сложить рассказ обо всей нашей державе: какая она, что в ней есть, как жили раньше и как живём теперь, во что верили и верим, кто наши герои…

Давайте попробуем объединить в группы разнообразные имена кораблей. Самая большая и старшая по времени группа названий — это имена святых, почитаемых нашей церковью и прежде знакомых каждому россиянину с детства: «Апостол Пётр», «Апостол Павел», «Казанская Богоматерь», «Святой Георгий», «Иоанн Предтеча», «Андрей Первозванный»… Лучший линейный корабль Петра I, построенный по его проекту, чертежам и при непосредственном участии царя, назывался «Го́то предестина́ция» — «Божие предзнаменование».

Во второй группе — названия памятных мест, где русский флот и армия одержали блистательные победы: «Полтава», «Га́нгут», «Наварѝн», «Калиа́крия», «Чесма́», «Синóп», «Бородино»…

В следующей — корабли, названные именами

полководцев и флотоводцев России: «Дмитрий Донской», «Князь Пожарский», «Суворов», «Кутузов», «Адмирал Ушаков», «Генерал-адмирал Апраксин», «Пётр Великий»…

Император Пётр I бывал в сражениях и руководил войсками на суше и флотами на море. Он отличался храбростью и умением побеждать. Именами других российских императоров тоже были названы большие корабли, хотя никто, кроме Петра, не имел военного дарования.

Много побед на морях было одержано в царствование Екатерины II. В её честь моряки называли корабли «Императрица Екатерина II», «Слава Екатерины». Корабль, названный просто «Екатерина», посвящался жене Петра I — Екатерине I. Она была в трудном Прутском походе русского войска и проявила немалое мужество.

После 1917 года были корабли с именами советских государственных деятелей: «Ленин», «Сталин», «Фрунзе», «Молотов». Уже несколько десятилетий в составе современного Северного флота есть великолепный тяжёлый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов», всё ещё в строю большие противолодочные корабли «Адмирал Пантелеев» и «Маршал Шапошников».

Названия наших городов — прекрасное укра-

шение корабля: «Москва», «Петербург», «Севастополь», «Петропавловск». В советское время были ещё «Минск», «Баку», «Ташкент» и другие.

Есть названия — предупреждение о возмездии, ко́ли враг задумает напасть на нас. «Не тронь меня» — так назывался линейный корабль, участник знаменитого Чесменского сражения 1770 года. То же прозвище получила броненосная плавучая батарея в начале XIX века. А вот ещё имена: «Страшный», «Смерч», «Гневный», «Спящий лев», «Разъярённый». Но есть и «Разумный»: для победы нужны не только храбрость и отвага, но и хладнокровный расчёт и ум.

Доверено было кораблям хранить память о Древней Руси: «Баян», «Варяг», «Рюрик», «Олег», «Громобой», «Вещун», «Колдун», «Русалка»…

У многих кораблей названия российских рек: «Десна», «Нева», «Енисей», «Амур», «Ока». У других — названия птиц: «Ястреб», «Кречет», «Ласточка», «Глухарь», «Альбатрос». А самый первый русский парусный военный корабль, построенный ещё до рождения Петра его отцом, царём Алексеем Михайловичем, назывался «Орёл». Название это дано в честь двуглавой птицы с государственного российского герба и было очень популярно на флоте. Позже его носили различные корабли и

суда.

Первым русским подводным лодкам давались названия морских животных и рыб: «Морж», «Косатка», «Дельфин», «Акула», «Краб», «Сом», «Скат». В Великую Отечественную войну сражались с фашистами «Щука», «Линь», «Окунь», «Треска», «Ёрш». Знаменитая лодка Щ-303 «Ёрш» в Балтийском море потопила торпедами восемь транспортов и сторожевой корабль немцев. Уже в XX веке российский флот пополнился атомным подводным ракетоносцем «Гепард», а его предшественники назывались так: «Барс», «Рысь», «Тигр» и «Пантера»…

Ещё с петровских времён образованные российские моряки знали историю и мифы Древней Греции и Рима. И потому на борту корабля привычно было имя античного бога или героя. Бомбардирский корабль, вооружённый большими орудиями, назывался в честь бога-громовержца «Юпитером». А дозорный корабль — стоглазым стражем «Аргусом». Нельзя не вспомнить три шестидесятипушечных фрегата: богиню-воительницу «Палладу», богиню охоты «Диану» и богиню утренней зари «Аврору». В середине XIX столетия, во время Крымской войны, эти корабли совершали героические плавания в морях Дальнего

Востока. Через полвека, уже в Русско-японскую войну, в тех же краях сражались их тёзки: крейсер «Паллада», крейсер «Диана» и крейсер «Аврора».

Особая, завидная судьба выпала «Авроре». Столетний корабль, участник всех войн России в XX веке, свидетель всех русских революций, до сих пор ещё на плаву. Воистину одушевлённый исполин, он стоит у Петроградской набережной Невы в Санкт-Петербурге.

В том же городе, в Военно-морском музее, поселился совсем удивительный корабль, вернее сказать, кораблик — длиной не более шести метров и шириной до двух. И вовсе без имени на борту…

Как у Петра возникла страсть к мореходству? Предполагают, что это случилось, когда царь-подросток нашёл в подмосковном селе Измайлово, в амбаре своей родни, старый, всеми забытый английский дубовый ботик[5]. Находка совпала по времени с подарком — привезли из Франции астроля́бию — прибор для измерения астрономической широты и долготы. Нашёлся в Москве знающий иностранец. Он рассказал, как пользоваться астролябией, он же сопровождал юного

---

[5] Примечания: 5

Бо́тик (небольшой бот) — одномачтовое парусное судёнышко.

царя в плавании на починенном ботике по Яузе. Потом на Плещеевом озере, у Переславля-Залесского, построили несколько небольших корабликов и перевезли туда ботик. Пётр разыгрывал взятие кораблями батареи, сооружённой на холмистом берегу озера. Возможно, именно эти занятия увлекли Петра в мореходство. Личное увлечение царя перешло в дело державной важности. Через три десятка лет флот, созданный Петром с нуля, стал самым сильным на Балтике: сорок восемь линейных кораблей и фрегатов, восемьсот галер и других судов, двадцать тысяч матросов на кораблях и в морских крепостях.

В конце жизни адмирал Пётр ещё раз будет править тем самым ботиком. В 1723 году в Петербурге проходило чествование Балтийского флота. Из Москвы ботик привезли в новую столицу России. Празднование началось спуском его в Неву. Как только днище коснулось воды, грянул залп с кораблей флота. В ботик гребцами сели знаменитые адмиралы: Апраксин, Сенявин, Меншиков. Пётр был кормчим[6]. Ботик шёл вдоль строя кораблей, и те в знак почтения приспускали свои флаги. «Смотрите, как дедушку внучата поздравляют! —

---

[6] Примечания: 6

Ко́рмчий — рулевой, управляющий судном с кормы.

сказал Пётр адмиралам. — От него флот на юге и на севере, страх неприятелям, польза и оборона государству». После праздника ботик был поручен коменданту Петропавловской крепости «для вечного хранения».

Сражение при Гангуте



Знаменитое сражение при Гангуте про изошло летом 1714 года, три века назад. Тогда жизнь была совсем непохожая на нынешнюю. А корабли, воевавшие в ту пору, сегодня увидишь только на картинках.

Эти корабли делали из крепкого дерева. Днище и борта смолили, чтобы не гнили в воде. На палубах ставили медные пушки. К высоким сосновым мачтам крепили паруса — прочные белые

полотнища. Ветер дул в паруса, и корабль, как огромная птица, скользил по волнам.

Самые большие корабли — линейные. Поменьше — фрегаты. Ещё меньше — корветы, бриги, клипера́, шлюпы, шхуны.

На море и в океане не всегда бывает ветер. Там бывает и совсем тихо. О такой погоде моряки говорят: «Стоит штиль». Стоит штиль — и корабли стоят. Это теперь на кораблях машины, а тогда машин не было. Чтобы двинуться дальше, приходилось ждать ветра.

Однако были корабли, которые ходили и в тихую погоду. Это галеры[7] и скампаве́и — малые галеры. На галерах и скампавеях имелись кроме парусов вёсла.

У линейного корабля сотня пушек, у галеры их несколько. Линейный корабль высоко поднимается над водой и глубоко опущен в воду. В его трюме и порох, и чугунные ядра, и пресная вода в бочках, и мука для хлеба в мешках, запасные якоря, канаты — всего припасено на долгие месяцы плавания вдали от земли. А у галеры борта невысокие, в воде она сидит неглубоко. Моряки на галере не берут с собой много запасов, потому

---

[7] Примечания: 7

Гале́ра — парусно-гребное военное судно, длиной до 60 м.

что плавают вблизи берегов. Во много раз галера меньше линейного корабля и фрегата, во много раз слабее. Но маленькие кораблики могут такое, чего не могут большие. Первое, о чём вы уже знаете, — галера может ходить в штиль, когда большой корабль неподвижен. Второе достоинство — она может пройти в шхерах.

Представьте лес, затопленный водой. Из воды, насколько видит глаз, торчат остроконечные верхушки елей. Чтобы плыть среди такого затопленного леса, надо всё время лавировать, поворачивать. Иначе налетишь на вершину дерева. В море бывают похожие места. Только из воды там торчат не вершины деревьев, а твёрдые скалы, камни, каменистые острова. Их великое множество. Это и есть шхеры. Большой корабль или застрянет в шхерах, или пропорет днище, налетев на скрытые в воде каменные глыбы.

Мы расхвалили галеру, а линейный корабль будто поругали. Нет, не ругали. У большого свои обязанности в бою, у маленького — свои. А уж адмиралы должны подумать, кому какое дело поручить. Адмиралы самые главные начальники на флоте. Они командуют кораблями в морских сражениях.

В то далёкое время Россия воевала со Швецией.

Шведы заняли наши земли у Балтийского моря и не хотели вернуть добром. Воинственный король шведов Карл XII намеревался даже захватить Москву. С большой армией он перешёл границы русского государства. Русские войска храбро воевали с врагами. В жестоком сражении у города Полтавы армия шведов потерпела поражение. Наши воины захватили все вражеские знамёна и пушки, пленили генералов. Лишь королю с небольшим отрядом удалось ускакать на конях от погони.

Русскими войсками командовал замечательный полководец — царь Пётр I. Он не хотел продолжать войну и предлагал шведам мир. Но король, потерявший всю армию, не соглашался. На что же король надеялся, если у него уже не было армии? Он надеялся на военный флот. Шведский флот считался самым сильным на Балтийском море.



До Карла XII у шведов было одиннадцать королей с таким именем. Ни один из них не был настолько заносчив и недальновиден, как двенадцатый. Ведь дело кончилось тем, что русские войска приплыли к Швеции на кораблях, вы-

садились на берег и подошли к столице страны Стокгольму. Тут-то шведы сами запросили мира. Но это произошло не сразу, не в один год. Прежде было много сражений на море и на его берегах. Первое морское сражение — Гангутское. Битвы и сражения называются по названиям тех мест, где они проходили. Полтавская битва была у города Полтавы. А Гангутское сражение около полуострова, который так и называется — Гангут.



Скоро мы отправимся к этому полуострову. Но прежде надо знать военный план русских. План был вот какой. Чтобы заставить короля Карла XII закончить войну, русским войскам нужно было вступить в земли шведов. Добраться же до них можно только по морю. Значит, надо отправить десант. Если отправить десант на больших кораблях, он может погибнуть: у неприятеля таких кораблей в несколько раз больше, чем у русских. Поэтому было решено посадить солдат на галеры и идти не в открытом море, а вблизи берега, в шхерах. Чуть ли не от самого Кронштадта, русской морской крепости, шхеры тянутся почти до самой Швеции. Вот какой военный план придумали Пётр I и генерал-адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин. Очень хороший план. Большие корабли шведов в шхеры войти не смогут. А галер в шведском флоте было мало. У русских же галер и скампавей — девяносто девять!

Пётр I умел командовать не только сухопутными войсками. Он был замечательным флотоводцем. У него было два воинских звания — генерал и адмирал.

Надо сказать, что и шведские флотоводцы были опытными и храбрыми. Пока русские галеры шли первую часть пути — от Кронштадта к северному

берегу Финского залива, шведы не сидели сложа руки. И кое-что придумали, чтобы погубить флот русских.

Девяносто девять галер и скампавей, имея на борту шестнадцать тысяч солдат, благополучно двигались среди островов, островков и скал. Неприятельских кораблей не было видно. Море катило волны, разбивало их о камни. Над морем то шли тучи, то плыли лёгкие облака. Когда проходы между островами были прямые и широкие, матросы поднимали паруса. Когда же проходы делались извилистыми или спадал ветер, солдаты брались за вёсла. Непростое дело — грести на галере. Весла длинные, тяжёлые. С каждого борта их полтора-два десятка. Грести надо так, чтобы все вёсла одновременно опускались в воду, одновременно поднимались из воды, не ударялись о соседние. После дневного плавания усталые гребцы ночью спали беспробудным сном, набирались сил для новой тяжёлой работы.

Всё было спокойно вокруг. Но на войне спокойствие обманчиво. В любую минуту может появиться враг. За морем, за горизонтом следят и капитаны и матросы. А зорче других — дозорные галеры. Они идут далеко впереди флота.

Прошли бóльшую часть пути — достигли се-

верного берега Финского залива. Подходили к полуострову Гангут — длинному и узкому, как вытянутый язык. И тут дозору открылась тревожная картина. От самого кончика полу острова, от мыса, простираясь в сторону моря, стояли шведские корабли. Пятнадцать линейных кораблей и четырнадцать меньших. Они, как крепости, изготовив орудия, перегородили дорогу русским галерам. У полуострова шхеры кончались. Снова начинались они за полуостровом. А здесь была чистая глубокая вода. В этом единственно опасном для галер месте шведские адмиралы поставили непреодолимую стену. На шведских кораблях было восемьсот тридцать две пушки. По восемь пушек на каждую русскую галеру!

Двигаться дальше было невозможно. Галеры остановились в бухте у селения Твермúнне. Бухта — это место у берега, закрытое от ветров и волн. Дозорный отряд из пятнадцати галер, прячась за островами, подошёл к неприятельскому флоту. Командир отряда капитан-командор Матвей Христофорович Змаевич следил за противником, посылал донесения Апраксину.

Ну и положение! Остаётся с досады махнуть рукой и возвращаться домой… Как это так — махнуть рукой! У военных людей нет права

останавливаться перед неприятелем. О возвращении домой никто не думал. Все думали об одном: что же сделать, чтобы продолжить поход? Было предложение: установить на мысу пушки и стрельбой отогнать неприятельские корабли от берега. Но не было больших пушек, ядра которых испугали бы шведов. Ещё было предложение: позвать на помощь русские линейные корабли и фрегаты, чтобы они прогнали неприятеля с дороги. Но на это ушло бы много времени. Корабли-то находились в это время у южного берега залива, в Ре́веле (теперь город Таллин).

У полуострова Гангут есть одна особенность. С материком он соединяется узким перешейком. Настолько узким, что если залезть на дерево, то увидишь море по другую сторону полуострова. Такой-то особенностью и решил воспользоваться Пётр. Он спешно прибыл из Ревеля в Тверминне, чтобы руководить действиями галерного флота. Солдатам было приказано валить сосны, сооружать на перешейке настил из брёвен — переволо́ку. По настилу можно перетащить галеры и спустить их в воду в шхерах на противоположной стороне полуострова.

О работах на перешейке узнали шведы. Их адмирал Ватранг очень обеспокоился. Но скоро к

нему вернулось хорошее настроение. Он придумал, как уничтожить противника.

Адмирал Эреншёльд получил приказ: с фрегатом, шестью галерами и тремя шхерботами идти к месту, где русские галеры будут спускаться с настила, и там уничтожить их пушечным огнём. Фрегат «Элефант», что значит по-русски «слон», тоже имел вёсла, поэтому мог войти в шхеры. Другой отряд — восемь линейных кораблей и несколько меньших — под командованием адмирала Лилльe должен атаковать русские галеры, стоявшие в бухте. Сам Ватранг с семью линейными кораблями и двумя фрегатами остался на прежнем месте, у мыса. По его приказу шведские артиллеристы ударили из пушек по приблизившимся дозорным галерам. Заставили дозор снова укрыться за островами.

На галерном флоте, стоявшем в бухте, был час обеда. Матросы и солдаты, находясь на своих местах, ели щи с солониной[8] и гречневую кашу. Пётр, Апраксин и другие старшие начальники тоже обедали. Для них стол был накрыт на галере генерала Михаила Михайловича Голицына, командующего десантом. Гул орудийной стрельбы

---

[8] Примечания: 8

Солони́на — засолённое впрок мясо.

донёсся до бухты. Оставив обед, Пётр на быстроходной галере поспешил к дозорному отряду. Высадившись на высокий островок, он стал осматривать море в подзорную трубу. Ветер дул едва заметно. Отряд кораблей Лиллье медленно, словно прогуливаясь, шёл вдоль кромки шхер к бухте. Это было опасно. Линейные корабли могли встать у входа в бухту и разбить ядрами галеры. К Апраксину помчался гонец с приказом — быть готовыми сняться с якорей, укрыться в шхерах!

Между тем день кончался, приближалась ночь. Ветер совсем стих. Шведские линейные корабли до бухты не дошли — остановились на полдороге с обвисшими парусами. А парусно-гребной фрегат «Элефант» с галерами и шхерботами до своего места дошёл. Шведы зарядили пушки, нацелили их на перешеек.

Летом ночи на Балтийском море светлые. В ту ночь над водой, над островами лёг туман. Только сигнальщики с мачт видели чистое небо и флаги ближних кораблей. Шведские адмиралы, соснув часок-другой, выходили из своих кают на палубы, проверяли, не дремлют ли часовые. Они опасались ночного нападения. Русские галеры могли в тумане незамеченными подобраться к большим кораблям, поджечь их или взять на

абордаж. Абордаж — это когда корабль вплотную подходит к кораблю противника, сцепляется с ним, а матросы перебегают на вражескую палубу, ведут там рукопашный бой.

Верно, Пётр и Апраксин так и поступили бы. Приказали бы части галер вступить в абордажный бой с флотом шведов, и, пока шведы отбивали атаку, другие галеры с десантом проскользнули бы мимо Гангута. Но недаром Пётр пользовался уважением как флотоводец. Будучи в дозорном отряде, он в ту решающую ночь вовсе не сомкнул глаз. И у него созрел лучший план действия.

Ещё в тот час, когда Пётр с подзорной трубой стоял на верхушке островка, он понял: адмирал Ватранг совершил ошибку. Отослав корабли на другие позиции, Ватранг сам разрушил свою стену на пути русских галер. Не всю стену разрушил. Девять кораблей Ватранга стояли на прежнем месте, прижимаясь к мысу. Но теперь это была короткая стена…

Много, очень много должен знать адмирал. Он должен знать, какова выносливость и храбрость матросов, как далеко стреляют пушки, как быстро или медленно ходят корабли. Ещё он должен знать характер моря, по которому плавает, осо-

бенности погоды. До выхода галер из Кронштадта были опрошены гангутские рыбаки о ветрах. И Пётр знал, что в конце июля в этих местах с ночи до полудня стоит штиль. Какое же решение принял Пётр? Он послал распоряжение Апраксину: отправить к дозорному отряду передовой отряд флота, ещё двадцать галер. Скоро этот отряд прибыл. Тридцать пять галер двух отрядов готовились с наступлением утра прорваться мимо кораблей Ватранга.

Солдатам-гребцам было приказано спать. Предстояла тяжелейшая работа. Чтобы оказаться в шхерах по другую сторону полуострова, нужно было пройти на вёслах около тридцати километров. С быстротой, какая только в человеческих силах.

Ночь кончилась. Наступило утро. Галеры дозорного и передового отрядов вышли из-за островов, скрывавших их, и понеслись прямо на корабли Ватранга. Эта маленькая хитрость отвлекла внимание шведов от главного дела, заставила их готовиться к абордажному бою. Но вот галеры повернули влево, пошли мори́стее шведских кораблей. Мористее — значит дальше от берега. Только тут Ватранг понял, что русские и не думают об абордажном бое, а пошли на прорыв.

Линейные корабли, фрегаты открыли стрельбу по галерам. Однако ядра не долетали до русских корабликов, падали в воду. Тогда шведы спустили на воду шлюпки с гребцами. Шлюпки пытались тащить на буксирах корабли ближе к галерам. Дело это было почти непосильное. Без ветра, в штиль, большой корабль трудно сдвинуть с места. Передовой отряд, а за ним и дозорный благополучно миновали опасное место, пошли к шхерам.

Пётр приказал Змаевичу заблокировать в шхерах корабли Эреншельда, посланные уничтожить галеры во время спуска русских с пере волоки. Заблокировать — значит закрыть им выход в море. Адмирал увидел, что настил пере стали делать. Ещё он увидел прорвавшиеся у мыса галеры и поспешил занять своими кораблями место, удобное для оборонительного боя.

…Уже минул полдень. Подул ветерок. Штиль кончился. И Ватранг приказал кораблям Лиллье, стоявшим в море, идти к мысу. Ватранг решил восстановить стену на пути русских галер. Ведь мимо мыса прошли тридцать пять, а шестьдесят четыре русские галеры ещё стоят в бухте…

На этот раз шведские адмиралы перегородили чистую воду двумя линиями кораблей. Теперь

двойная стена простиралась ещё дальше в море.

Солнце клонится к закату. Близится ночь. Стих ветер. Снова штиль на море. К ночи капитан-командор Змаевич надёжно закрыл своими галерами все проливы и проливчики, через которые мог бы ускользнуть «Элефант». От боя пришлось отказаться. Очень устали гребцы после дневных трудов. Пусть они отдыхают теперь, пусть поспят.

Пётр приказал главным силам прорваться мимо шведских кораблей на рассвете нового утра. Но как же пойдут галеры в этот раз? Ведь дорогу им преграждают теперь два десятка кораблей, а не девять, как раньше! Весь минувший день Пётр следил за перемещениями неприятельского флота. И увидел новую ошибку Ватранга. Шведский адмирал, стараясь продвинуть стену кораблей как можно дальше в море, оттянул корабли от берега. Между стеной кораблей и берегом образовались как бы ворота. Сквозь них-то Пётр и решил направить галеры.

Пока шведы не догадались о своём новом промахе, надо было действовать. На войне до́рог не то что час, а каждая минута дорога́. Надо бы идти ночью. Но очень уж мглистая ночь выдалась на этот раз. Галеры, плывущие у самого берега,

неизбежно налетели бы на скалы и камни. И вот, только забрезжило, главные силы флота в кильватерном строю устремились к мысу. Кильватерный строй — это когда корабли идут один за другим, гуськом. Шведы, как и прошлым утром, принялись стрелять из пушек. Опять ядра не долетали до галер. Опять на шлюпках пытались тащить корабли, но теперь уже к берегу. И опять у шведов дело не ладилось. Все галеры под самым носом у неприятеля миновали мыс и пошли в шхеры. Все, кроме одной. Она, опасаясь ядер, шла совсем близко к берегу и села на мель. Проходившие мимо галеры успели снять с неё команду.

Итак, военный план Петра I и Фёдора Матвеевича Апраксина был блестяще выполнен. Без дальнейших осложнений галерный флот прибудет в крепость Або, где находится небольшой русский гарнизон. Теперь этот гарнизон пополнится шестнадцатью тысячами солдат. А его запасы — порохом, продовольствием, кормом для лошадей. Всё это доставят галеры. А от крепости Або до столицы Швеции, города Стокгольма, уже недалеко.

Однако наш рассказ о событиях у полуострова Гангут не окончился. В шхерах заблокирован отряд Эреншельда. Этот храбрый человек ещё

надеялся на успех в бою с галерами капитан-командора. Но когда он увидел новую, бесконечную вереницу галер, то понял: надежды на победу нет. Сам адмирал, его капитаны и матросы приготовились дорого отдать свою жизнь.

Эреншельд поставил корабли в узком проливе. В середине стоял «Элефант». По сторонам от него по три галеры. Три шхербота разместились позади этого строя. Очень умело расположил адмирал свои корабли. Крайние галеры шведов стояли близко к берегам. Поэтому наши галеры не могли зайти в тыл шведам, то есть напасть на них сзади. Даже если какие-то прошли бы в тыл, там их встретили бы огнём шхерботы. Хуже всего было то, что в узком проливе атаковать неприятеля могли только двадцать три наши галеры. Для других там просто не было места. Весь флот, расположившийся вблизи, был только свидетелем боя… Надо вот что ещё иметь в виду: шведские галеры были гораздо больше русских, на каждой из них стояло четырнадцать пушек. Всего у шведов в этом бою было сто шестнадцать пушек против двадцати трёх русских.

Не желая кровопролития и уважая храбрость противника, Пётр послал на фрегат своего генерала с предложением сдаться на почётных

условиях. Шведы сдаться не согласились. Обещали драться до последней возможности. Вот какие непримиримые противники сошлись в первом бою русского флота и флота шведского! Будут большие потери в этой схватке — и у противника, и у наших. Будут герои.

Бой начался. Русские офицеры, стоя с обнажёнными шпагами в шлюпках, плыли впереди своих галер — вели их в атаку, как водили отряды при штурме крепостей на суше. Две атаки шведы отбили. А третью отбить уже не могли. Густой пороховой дым окутал корабли. Грохотали пушки. Свистели ядра. Раздавалась ружейная стрельба. Русские галеры сошлись вплотную с галерами шведов. Начались рукопашные схватки. Все шведские галеры, одна за другой, были взяты на абордаж. Сдались и шхерботы.

Оставался невзятым «Элефант». Галеры подошли к нему с обоих бортов. Фрегат отстреливался изо всех своих пушек. А русские солдаты уже карабкались на него. Вот они взобрались на палубу, и шведские матросы попятились от наших штыков. На фрегате вспыхнул пожар. Адмирал Эреншельд, обессилев, упал: он был тяжело ранен. Его снесли в шлюпку, и шлюпка, спасая адмирала от плена, стала уходить к островам.

Наперехват, тоже в шлюпке, бросился офицер Бакеев со своими солдатами. Они догнали беглецов и привезли Эреншельда на фрегат. Там уже был Пётр. Вместе с солдатами он тушил пожар. Пётр приказал врачам ухаживать за отважным адмиралом и сделать всё возможное, чтобы вылечить его.

Сражение у Гангута закончилось. Галеры салютом из девяноста восьми пушек приветствовали победу. Салютовали победе ружейной стрельбой солдаты и матросы.

А парусные корабли шведов — с семью сотнями пушек — ничем не помогли своим. Большие корабли не могут плавать в шхерах. Дождавшись ветра, шведский флот снялся с якорей и поспешил от полуострова Гангут к берегам Швеции. Ватранг опасался, что русские галеры раньше него придут туда и высадят десант.

До Гангутского сражения шведский флот считался непобедимым. Корабли других стран боялись встречаться с ним в бою. Известие о его поражении удивило всех. За границей только и говорили о мужественных моряках России, о её флотоводцах. До Петра I у русских не было флота. И вот построены великолепные корабли: линейные, фрегаты, галеры… Обучены морскому

делу офицеры и матросы.

Пройдёт совсем немного времени — и русский флот на Балтийском море станет самым сильным. Саму Россию в те годы сравнивали с кораблём, который неудержимо движется под всеми парусами в громе пушечных салютов, с вымпелами и флагами, реющими на ветру.

Город Петербург с нетерпением ждал победителей. Все дома были украшены цветами, лентами, флагами. Горожане надели праздничные одежды, толпами вышли на набережную Невы. Самые нетерпеливые на шлюпках, ботах, яхтах, на простых лодках отправились встречать галеры и пленённые шведские корабли в залив.

И вот показались три русские галеры. За ними шли — со спущенными шведскими флагами и поднятыми над ними русскими флагами — сначала три шхербота, затем шесть галер и, наконец, фрегат «Элефант». За фрегатом шла галера Петра, на которой он был в Гангутском сражении. Заканчивали строй ещё две русские галеры.

Лодки, яхты, боты, встречавшие моряков, ударили из своих маленьких салютных пушечек. Раздалась стрельба на набережной. Люди кричали «ура!». Заглушив все праздничные звуки, загремели большие пушки крепостей — Адми-

ралтейской и Петропавловской.

Пленённые корабли поставили на Неве в том же порядке, как стояли они в бою с русскими галерами. И празднество продолжилось на берегу. Шествие открыл отряд русской гвардии. За ним несли опущенные к земле шестьдесят шведских знамён и везли пушки, отбитые у неприятеля в боях на суше. Затем маршировал отряд пехоты, отличившийся у Гангута. А за ним шли пятьсот шведов, взятых в плен в морском сражении. Замыкал шествие ещё один отряд гвардии. Во главе его был Пётр.

Наши войска и пленные проходили под высокой, искусно украшенной аркой. На ней был нарисован орёл, державший в когтях слона. Орёл, как известно, изображался на гербе российского государства, а «Слоном» назывался шведский фрегат. Под рисунком было написано: «Орёл не мух ловит». В память о победе отчеканили медали: золотые — для командиров, серебряные — для всех солдат и матросов, участвовавших в сражении. Их носили на цепочке, надевая на шею. На одной стороне медали был изображён Пётр I, на другой — бой с кораблями шведов.

У русского флота было много блестящих побед на многих морях. Но особо мы помним победу

в Гангутском сражении. Потому что она была первой.

Адмирал Ушаков



Почти все знаменитые русские адмиралы родились не у моря, а вдали от него, в самой середине России. Сеня́вин Дмитрий Николаевич родом из калужского края, Лазарев Михаил Петрович — владимирский, Нахимов Павел Степанович — смоленский, Ушаков Фёдор Фёдорович — ярославский. В юности будущих адмиралов окружали дремучие леса и тихие поля. Но маль-

чики росли с мечтой о море. В дни войны по морю может подойти к любимой Родине враг. Кто остановит его? Кто без страха поведёт в бой российские корабли? Конечно же сыны России. Вот и мечтали мальчики о службе на эскадрах[9].

Чтобы стать защитником Родины, одного желания мало. Нужно ещё умение. Будущие адмиралы подростками поступали в морское училище. Там они учили математику: без неё не построишь корабль, не выстрелишь метко из пушки. Учили астрономию и географию: без них заблудишься в океане, не найдёшь дорогу в дальние страны. Множество новых слов нужно было знать мальчикам, морской язык — особый язык. Бом-кливер. Фор-стеньга-стаксель. Грот-бом-брамсель. Это названия парусов корабля. На флоте даже привычное называется иначе: комната — каюта, скамейка — банка, дежурство — вахта… Будущие адмиралы учились не только в классах на берегу, но и на кораблях в далёких походах. Получая первое офицерское звание, они уже хорошо знали морское дело и сами могли учить матросов.

Фёдор Фёдорович Ушаков после учения плавал

---

[9] Примечания: 9

Эска́дра — крупное соединение военных кораблей, находящихся в совместном плавании.

на разных кораблях во многих морях. Он отлично знал своё дело. Храброго и распорядительного офицера назначили командиром царской яхты. Плавать на яхте было безопасно, ведь царскую семью не катали по бурному морю. За такую службу давали высокие чины и большие награды. Но молодой офицер отказался от должности царского слуги. Он добился, чтобы его вернули на военный корабль — к тревогам и опасностям, к тяжёлому труду. Там он мог служить всей России.

Ушаков будет командовать русским флотом на Чёрном море, вместе с матросами одержит для Родины много побед.

Было это два с лишним века назад, в 1787 году. Правитель Турции, султан, потребовал, чтобы Россия отказалась от присоединённого к ней Крыма и перестала защищать от турок Грузию. Россия не стала выполнять эти требования. И Турция начала войну.

В те времена Османская империя имела огромную армию и сильный военный флот. Она захватила многие соседние страны. Под её игом страдали болгары, греки, валахи[10], сербы, армяне, арабы… Турецкие войска постоянно

[10] Примечания: 10
Вала́хи — одно из наименований жителей современной Румынии.

нападали на молдаван, украинцев, венгров, поляков, австрийцев. Поэтому многие народы желали русским победы в начавшейся войне.

Русские солдаты под командованием Александра Васильевича Суворова разгромили огромное турецкое войско у реки Рымник[11], взяли неприступную турецкую крепость Измаил[12]. Но султан не хотел говорить о мире. Потеряв сухопутную армию — пехоту и конницу, он ещё надеялся на свой военный флот. О такой надежде султана знало русское командование. Оно поручило адмиралу Фёдору Фёдоровичу Ушакову найти в Чёрном море турецкий флот и уничтожить его.

«Чёрное море велико. Где искать вражеские корабли? Близится осень. Тогда начнутся бури, ураганные ветры. Кораблю в штормовую погоду плавать трудно или совсем невозможно. Значит, надо сразиться с врагом до осени, иначе война затянется на долгое время» — так думал адмирал Ушаков, глядя на морскую равнину. Адмирал знал: турецкий флот гораздо больше русского. Им командуют Гуссейн и Саид-Али. Гуссейн —

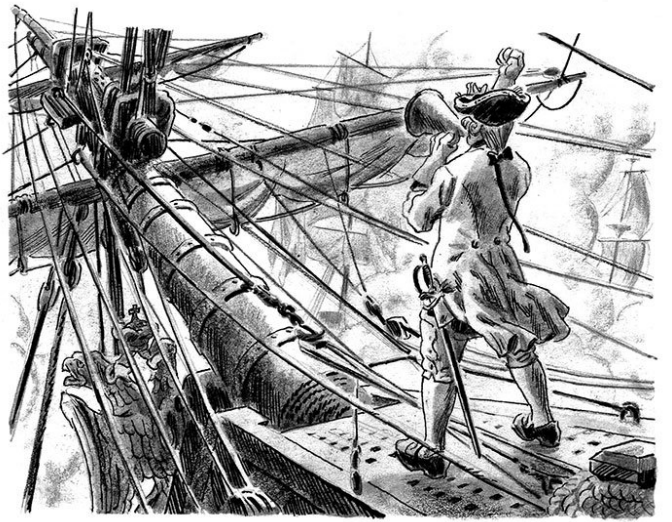
---

[11] Примечания: 11
Рымник — река в Румынии.

[12] Примечания: 12
Измаи́л — в настоящее время город на Украине, в Одесской области.

капудан-паша́ — главнокомандующий всеми военно-морскими силами Турции, опытный флотоводец. Ещё опытнее адмирал Саид-Али. У него много побед над адмиралами разных стран, недаром его зовут «грозой морей». Уходя с эскадрой из Стамбула, турецкой столицы, Саид-Али обещал султану, что возьмёт в плен Ушакова, посадит русского адмирала в железную клетку и привезёт ему в подарок.

«Да, сражение будет жестокое», — думал Ушаков и всё смотрел в подзорную трубу. Но море было чистое. Только русские корабли плывут, распустив паруса, как стая белых птиц. Грозные птицы: шестнадцать линейных кораблей, два фрегата и двадцать один меньший корабль. С каждого борта эскадры глядят в море по четыреста девяносто девять пушек. А всего пушек — девятьсот девяносто восемь…



Русская эскадра ищет противника. Ну а мы в это время посмотрим военный театр. Он со всем не похож на театр, в котором играют и поют артисты. Это местность, где передвигаются войска, корабли и проходят сражения.

Положим перед собой правую руку, ладонью вверх. Ладонь будет обозначать Чёрное море. Оно примерно такой же формы.

У края ладони, где большой палец, — берега России. У края ладони, где мизинец, — берега Турции. А где Грузия, от защиты которой турки велят русским отказаться? Грузия там, где обшлаг рукава.

Чтобы представить, где на Чёрном море Крым, согнём большой палец — получится Крымский полуостров. Он далеко вдаётся в море. На кончике ногтя большого пальца будет Севастополь — основная стоянка русского флота. Из Севастополя и вышла на поиски врага эскадра Ушакова.

Это ещё не всё, что нужно знать о театре русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

Пойдём дальше. Город Стамбул, в котором султан ждёт, когда привезут ему в железной клетке Ушакова, — у кончика мизинца.

Крепость Измаил, которую взяли войска Суворова, будет находиться у кончика указательного пальца.

Берег между Измаилом и Стамбулом при надлежит Турции. Живут там болгары и валахи. Правильнее сказать, что берег — от кончика указательного пальца до кончика мизинца —

принадлежит болгарам и валахам, но захвачен турками.

На этом берегу есть мыс. Он называется Калиа́крия. Корабли капудан-паши и адмирала Саида-Али, выйдя из Стамбула, шли на север вдоль болгарского берега. У мыса Калиакрия эскадра противника остановилась для отдыха. Часть моряков сошла на берег, часть осталась на кораблях.

31 июля 1791 года русская эскадра тоже подошла к болгарскому берегу. Она шла вдоль этого берега на юг — тоже к мысу Калиакрия. Вот-вот адмирал Ушаков встретится с кораблями противника.

Русские матросы-сигнальщики сразу с нескольких кораблей увидели неприятеля. Турецкие корабли стояли у берега, нацелив пушки в сторону моря. На берегу — артиллерийские батареи. Число турецких кораблей было велико: восемнадцать линейных, семнадцать фрегатов и сорок три лёгких корабля. Всего — семьдесят восемь. Против тридцати девяти русских. Ровно вдвое больше. На каждый корабль Ушакова — два корабля противника. На каждую русскую пушку — две турецкие.

Что делать? Наконец-то враг найден. Если

победить его, закончится война. Но очень уж неравные силы… И ветер дует от берега в сторону моря. Русским кораблям, чтобы атаковать турецкие, пришлось бы идти против ветра, что очень сложно. Корабли будут идти медленно. Их совсем нетрудно расстрелять из пушек…

Тем-то и был славен адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков, что умел побеждать с меньшим числом кораблей. Он побеждал, как говорил Суворов, «не числом, а умением».

Не медля ни минуты, Ушаков повёл свою эскадру в узкую полосу воды между берегом и турецкими кораблями. Капудан-паша Гуссейн и адмирал Саид-Али не ожидали такого. Никогда ещё ни один флотоводец не поступал подобным образом. Корабли русского адмирала «выиграли ветер», теперь ветер для русских стал попутным.

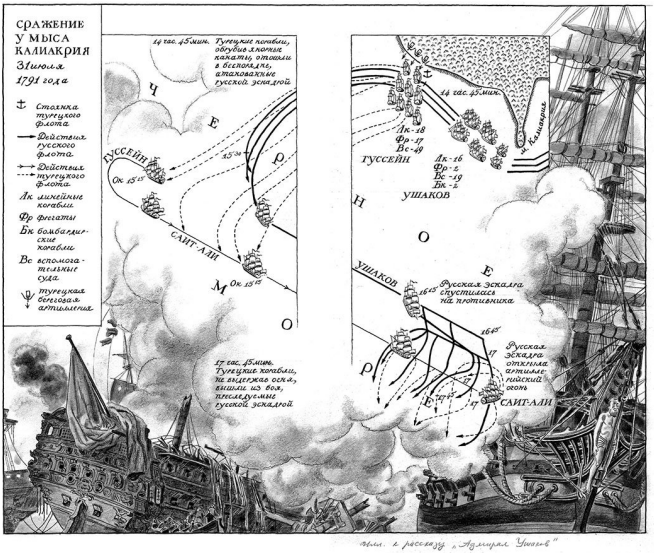
Турецкие береговые батареи, вблизи которых проходили русские корабли, открыли огонь. Но умелые артиллеристы Ушакова меткими залпами разбили их. Обезопасив себя со стороны берега, эскадра Ушакова начала стрельбу по турецким кораблям, неподвижно стоявшим на якорях.

Капудан-паша подал сигнал ставить паруса, рубить топорами якорные канаты. Выбирать якоря,

то есть вытаскивать их из воды, не было времени. Турецкие корабли в панике отошли от берега в море. Там, в недосягаемости для русских пушек, Гуссейн и Саид-Али приказали своим кораблям строиться в линию.

Адмирал Ушаков построил свою линию.

Линиями корабли выстраивались для того, чтобы вести артиллерийский бой — стрелять друг в друга из пушек. Стреляли ядрами, картечью — мелкими чугунными шариками и кни́ппелями — двумя ядрами, соединёнными цепью; такой странный снаряд применялся для порчи парусов, канатов и мачт. Корабль с изорванными парусами, перебитыми мачтами не мог двигаться, и тогда его легко добивали ядрами или брали на абордаж.



Илл. к рассказу «Адмирал Ушаков»

Корабли Ушакова при попутном ветре быстро приближались к туркам. С турецких кораблей началась стрельба ядрами и книппелями. Русские артиллеристы не отвечали. Они знали правило своего адмирала — сойтись с неприятелем чуть

ли не вплотную и лишь тогда наверняка бить по бортам ядрами, а картечью прогонять неприятельских моряков с палуб и от пушек.

Было ещё одно правило у Фёдора Фёдоровича Ушакова: свой восьмидесятипушечный корабль он устремлял на адмиральский корабль врага. Когда тот тонул или загорался, то весь флот противника охватывала растерянность. А с врагом, который растерялся, сражаться проще.

Ушаков шёл к кораблю Саида-Али. Неприятельский адмирал не уклонился от боя. Он помнил своё обещание султану — привезти Ушакова в железной клетке. На борту турецкого корабля сгрудились янычары — отборные солдаты с короткими саблями — ятаганами, пистолетами и кинжалами. Янычары готовились взять корабль Ушакова на абордаж — перескочить на его палубу, изрубить, перестрелять матросов и схватить самого адмирала.

Между кораблями не было и ста метров, когда Ушаков и Саид-Али увидели друг друга. «Саид, бездельник! — крикнул врагу Ушаков. — Я отучу тебя давать такие обещания!» Грянули все сорок пушек правого борта — картечь смела янычар, ядра перебили на корабле Саида-Али мачту и реи, к которым крепятся паруса. Новый залп русских

пушек развоpотил коpму. И уже pусские моpяки побежали к боpту, готовые пpыгнуть на туpецкий коpабль и пленить чужого адмиpала. В этот момент, спасая Саида-Али от плена, между его коpаблём и коpаблём Ушакова вклинились дpугие коpабли туpок. Они пpиняли на себя залпы ушаковских пушек.

Ожесточённый бой вели все большие pусские коpабли. Коpабли вpага один за дpугим — с изоpванными паpусами, с изломанными мачтами, с пpобоинами в боpтах — выходили из боя. Паника охватила непpиятельский флот. И началось бегство.

Тепеpь в дело вступили малые, лёгкие, коpабли эскадpы — коpветы, бpиги, бpигантины. Ушаков пpиказал им пpеследовать вpага, добивать его, пеpехватывать шлюпки, спущенные с тонущих коpаблей. Спасаясь от погони, многие туpецкие коpабли устpемились к беpегу. Но и тут их постигала неудача: они садились на мель. С застpявших на мели судов матpосы пpыгали в воду и убегали по беpегу в леса. Много коpаблей гоpело. Огpомные костpы пылали в моpе. Когда огонь добиpался до поpоховых погpебов, гpохотали взpывы, в небо вместе с дымом и пламенем летели деpевянные обломки.

Настала ночь. В море, покрытом пеленой порохового дыма, ничего не было видно. Русские корабли прервали погоню. Наутро адмирал Ушаков хотел возобновить преследование врага. Но начался сильный шторм. Несколько суток ревел ветер, гнал огромные волны по морю. Когда шторм утих и море успокоилось, быстроходный корабль доставил на эскадру Ушакова приказ: возвращаться в Севастополь. Оказалось, султан запросил мира.

До Стамбула, как стало известно потом, дошло совсем мало кораблей. Среди них был и корабль Саида-Али. С разбитой кормой, с обгоревшими, в пробоинах бортами, с лохмотьями вместо парусов, он встал на якорь вблизи города. Матросы сняли с корабля израненного адмирала, посадили в носилки и понесли во дворец султана. В это время корабль Саида-Али начал погружаться в воду. И потонул на глазах всего города…

Сухопутную армию султана разбил Александр Васильевич Суворов, флот был разгромлен Фёдором Фёдоровичем Ушаковым. Правителю Турции ничего не оставалось, как заключить мир с Россией.

Фёдор Фёдорович Ушаков командовал кораблями во многих сражениях. Он всегда побеждал. Ни

разу не отступал. Матросы видели его бесстрашие и сами не боялись ни штормов, ни вражеских ядер, совершали во славу Родины героические подвиги.

Вокруг света по морям



Первые русские «плаватели вокруг света» — Иван Фёдорович Крузенштéрн и Юрий Фёдорович Лися́нский выходили из гардемаринов, старшекурсников Морского корпуса, в мичманы, младшие офицеры, в екатерининские времена. Тогда российский флот снова сражался на Балтийском море со шведами. Оба моряка приняли

боевое крещение в июле 1788 года у острова Го́гланд. Год спустя было сражение у острова Э́ланд. А ещё через год десять русских кораблей, стоявших на рейде у Ревеля, отбили нападение вдвое превосходящих сил шведов и обратили их в бегство. При этом русская эскадра адмирала Василия Яковлевича Чичаго́ва не потеряла ни одного корабля. Наш фрегат «Мстислав» тогда догнал шведский флагманский корабль и после часового боя заставил его сдаться. Взять флаг противника, свести в шлюпку пленённого шведского контр-адмирала было поручено отважному Ивану Крузенштерну…

После войны молодые лейтенанты Лисянский и Крузенштерн, в числе двенадцати отличившихся, проходили практику на английских кораблях. Они побывали в Африке, Индии, Китае, у западных берегов Северной Америки. Повидав много стран и народов, Иван Фёдорович Крузенштерн, помимо опыта флотского, оценил коммерческие выгоды мореплавания. Его поразило, как выгодно купцы-судовладельцы продают меха в китайском Канто́не.

Как известно, географические открытия российских моряков к востоку от Камчатки в середине XVIII века, ещё по наказу Петра, дали начало

Русской Америке. Началось освоение нашими соотечественниками северного побережья американского континента. Новые края по праву первооткрывателей принадлежали России. И зверобойным промыслом стали заниматься купцы и мореходы, имевшие деньги для организации такого дела. Первое русское поселение основал купец Григорий Иванович Ше́лихов. А в 1799 году была создана Российско-американская торгово-промысловая компания во главе с Николаем Петровичем Реза́новым. Поначалу пушнину с Аляски возили через Сибирь на границу с Монголией. Здесь в Ки́хте её перекупали иностранные торговцы. Путь долгий, опасный, невыгодный.

Крузенштерн послал в правительство обстоятельную записку: «Россия не пользуется трудолюбием и неусыпностью своих собственных сограждан, которых произведения и изделия служат к толикому изобилию некоторых иноземцев… Кажется, уже время принять новую систему в торговле и свергнуть иго иностранцев, господствующих над нами так долго». Иван Фёдорович предложил использовать в мирное время для вывоза пушнины с Аляски военные корабли с военными моряками. Коммерческие плавания сочетались бы с исследованиями на

морях, закреплением за Россией географических открытий.

Предложение молодого моряка в конце концов было принято. Оно обещало бесспорные выгоды. Сам юный император Александр I и некоторые его родственники вскоре станут акционерами Российско-американской компании. А первый поход русских вокруг света ознаменует начало нового российского царствования, новой исторической эпохи. Ивану Фёдоровичу поручили возглавить поход и выбрать для него моряков, каких пожелает. Деньги на покупку двух шлюпов[13] дала Российско-американская компания.

Командиром «Надежды» стал сам Крузенштерн, командиром «Невы» — его друг со времён Морского корпуса Лисянский. Оба в чинах капитан-лейтенантов. «Если бы принять всех охотников, явившихся ко мне с просьбою о зачислении их в сие путешествие, — писал Крузенштерн, — то я мог бы укомплектовать многие и большие корабли отобранными матросами российского флота… Помимо двух естество испытателей, астронома и врача, на обоих кораблях в путешествии нашем ни одного иностранца не было».

---

[13] Примечания: 13

Шлюп — трёхмачтовый военный корабль XVIII–XIX вв. Использовался как посыльное и дозорное, а также как экспедиционное судно.

Среди добровольцев нельзя не назвать старшего лейтенанта Макара Ратма́нова, мичмана Фаддея Беллинсга́узена, кадета Отто Коцебу́. Им было суждено впоследствии тоже стать знаменитостями русского флота и науки.

В конце июля 1803 года оба шлюпа вышли из Кронштадта в путь, «не испытанный до того россиянами». Океан таит серьёзную опасность даже для современных судов. А двум небольшим российским парусникам предстояло пройти через три океана — Атлантический, Тихий и Индийский. К дальним берегам они везли якоря, пушки, другие изделия из железа, порох, свинец, ружья, пистолеты, сабли, парусину, медную посуду, муку, вино, соль, сахар и много всякого мелкого добра для раздачи туземным жителям экзотических стран и островов. В задачи экспедиции входили доставка грузов Российско-американской компании на Аляску с Камчаткой и последующая продажа пушнины в Китае да закупка там чая и прочих продуктов. Попутно нужно было производить географические исследования, для чего курс прокладывался по неисследованным маршрутам.

Зайдя в Копенгаген, Великобританию и на Канарские острова, путешественники пересек-

ли Атлантику и достигли южной оконечности американского континента. Отличную выучку и сноровку русских моряков не раз проверяли жестокие штормы. Первый настиг их у Огненной земли. Огромные волны швыряли парусники, как скорлупки, смывая с палубы всё, что не закреплено. Целые сутки матросы ручной помпой откачивали воду…

Счастливо обогнув мыс Горн, «Надежда» и «Нева» вышли в Тихий океан. (Был уже февраль следующего года.) Здесь в густом тумане шлюпы потеряли друг друга. Встретились лишь на Маркизских островах. Покидая их, Крузенштерн напишет в приказе: «Я уверен, что мы оставили берег тихого народа сего, не оставив по себе дурного имени…» Доброе и уважительное отношение к жителям самых разных земель выгодно отличало характер всей экспедиции. Парусники парой пришли на Гавайи, где запаслись водой и едой. А дальше пути у друзей были разные. Они условились встретиться осенью будущего года в Китае.

В середине лета «Надежда» пришла в Петропавловский порт на Камчатке. Разгрузившись, шлюп отправился в Японию с послом Николаем Петровичем Резановым на борту: ему надлежало уста-

новить торговые отношения с дальневосточным соседом. А сосед уже не одну сотню лет следовал своему закону: «Доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии». Добиться успеха Резанову не удалось. Ожидая окончания переговоров, «Надежда» простояла в Нагаса́ки почти полгода, после чего занялась исследованиями у Курильских островов и Сахалина. Крузенштерн произвёл опись западного и северо-западного побережий Японии и положил на карту юго-восточное побережье Сахалина. В конце сентября 1805 года «Надежда» снова вышла из петропавловского порта курсом на Кантон, где была назначена встреча с «Невой».

А «Нева», в свою очередь, летом 1804 года без приключений пришла в российские владения на Аляске. Приключение было впереди: шайка пиратов вместе с индейцами захватили нашу Михайловскую крепость на острове Си́тха, многих её защитников убили, часть забрали в плен. Крепость была построена на совесть, вернуть её было непросто, даже выстрелы местной пушки не взломали бревенчатых стен. Приход многопушечной «Невы» был как нельзя кстати. Моряки помогли поселенцам выбить захватчиков из крепости, а потом построили ещё одну, Новоар-

хангельскую, на выгодном для обороны месте. Так прошла зимовка в Русской Америке. Загрузившись пушниной, «Нева» пошла на встречу с «Надеждой». По дороге моряки описывали знакомые острова, открывали новые. Изучали морские течения, приливы и отливы, температуру и плотность воды.

Шлюпы встретились на рейде южнокитайского порта в конце 1805 года. Меха были проданы очень удачно, за сто девяносто тысяч пиастров. Расчёты Крузенштерна о коммерческой выгоде кругосветных плаваний подтвердились. В обратный путь через Индийский океан шлюпы отправились в феврале. И снова — в тумане мыса Доброй Надежды — корабли потеряли друг друга. Но это не помешало им счастливо окончить трёхлетнее кругосветное плавание в августе 1806 года с разницей в две недели.

Научные исследования экспедиции положили начало новой науке — океанографии. Их восторженно оценила Петербургская академия наук. В послании Крузенштерну говорилось: «Это столь же смелое, сколь и счастливое плавание, совершённое под Вашим благоразумным управлением, не только возвысило славу русского флота в глазах всей Европы, но и обогатило

науку открытиями и исследованиями, далеко раздвинувшими предметы естествознания и географии».

Иван Фёдорович Крузенштерн много лет отдал составлению «Атласа Южного моря», который надолго стал главным руководством для плавания в Тихом океане. Труды обоих капитанов о плавании вокруг света до сего дня издаются на многих языках.

Император Александр I щедро наградил участников экспедиции: к орденам и чинам были прибавлены пенсии. Матросы обоих кораблей получили освобождение от дальнейшей службы (в то время она длилась 25 лет). Имена Крузенштерна и Лисянского часто встречаются на карте мира: это атолл[14] в группе Маршáлловых островов, мыс на острове Парамуши́р, гора в Антарктиде, остров в Гавайском архипелаге, полуостров в Охотском море, гора на Сахалине. Такие награды даются только избранным.

С лёгкой руки Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского дальние плавания с заходом в русскую Америку стали обычными для российского флота. Военные моряки своим присутствием вежливо

[14] Примечания: 14
Ато́лл — кольцеобразный коралловый остров.

предостерегали и индейцев, и белых пиратов от нападения на русских поселенцев.

Флотский порядок



В Российском императорском флоте за порядком на корабле следил особый офицер — вахтенный начальник. Его действия и команды были подчинены строгим правилам, а не зависели от настроения. У людей разные характеры: одни вспыльчивы, деспотичны, другие, наоборот, безразличны, склонны не замечать огрехов. И тех и других не идти на поводу у эмоций застав-

ляет Морской устав. По уставу и сейчас живёт каждый корабль. Флотского порядка неплохо бы придерживаться каждому и в обычной жизни. Разумеется, с поправками на свои условия, дела и возможности.

Каждый день в пять часов утра вахтенный начальник командовал: «Вставать, койки вязать!»[15] Через пять минут: «Койки наверх, умываться!» Матросы сдавали койки на палубе укладчику. Тот принимал их и смотрел, аккуратно ли связаны. В это же время на полчаса открывали для проветривания двери водонепроницаемых переборок и иллюминаторы, поднимали на верхней палубе брезентовые тенты, предохраняющие от жары или дождя.

Только успели с этим, барабанщик бьёт «на молитву!». Вся команда наверху, вахтенный командует: «Фуражки снять!» Поётся «Молитва Господня». По окончании её звучала команда: «Накройся, завтракать!»

После завтрака до восьми часов успевали сделать множество дел. «Палубу скачивать!» или «Палубу мыть!», «Мыть бельё!», «Мыть койки!». В это же время обтирали абордажное оружие,

[15] Примечания: 15

Спальные принадлежности по этой команде закатываются в койку, которая шнурується и укладывается до ночи в специальное хранилище.

чистили до блеска всё медное или железное, прибирали палубы и шлюпки. Минёры[16], комендоры[17], гальванёры[18] проверяли своё хозяйство. Трюмные проверяли краны и трубы.

Приближалось самое торжественное утреннее действо — подъём флага на кормовом флагштоке. За пять минут до него извещали командира корабля, вызывали караул и музыкантов. Старший сигнальщик проверял исправность флага. За минуту до подъёма (так же и спуска) вахтенный начальник командовал: «На флаг! Смирно!» Оркестр играл гимн России и «Коль славен наш Господь в Сионе…». Офицеры и команда стояли с непокрытыми головами, пока оркестр не смолкал.

Спуск военного флага, как на стоянке, так и в движении корабля, производился до захода солнца. «Во время боя, — записано в Морском уставе, — в виду неприятеля, военный флаг под-

---

[16] Примечания: 16
Минёр — специалист по минному делу.

[17] Примечания: 17
Комендо́р — матрос-артиллерист.

[18] Примечания: 18
Гальванёр — старое название электрика.

нимается не только на гафеле[19], но и на мачтах, днём и ночью».

Есть на корабле ещё один флаг, который поднимается с восьми часов утра до зари на носовом флагштоке только на якорной стоянке, — это гюйс. Полагается он, в отличие от Андреевского флага, не всем кораблям, а только судам первых двух рангов. Гюйс — красное полотнище с синим Андреевским крестом, окаймлённым белыми полосами, и с белым прямым поперечным крестом.

Случалось, что гюйс на каком-либо корабле поднимали на мачте в неурочное время и при пушечном выстреле. Моряки знали: там заседает суд особой комиссии. Чаще всего судили «бунтовщиков» — так официально назывались революционеры. У кого-то нашли листовку, призывающую свергнуть самодержавие, кто-то ругал офицеров за рукоприкладство, кто-то рассказывал товарищам о тяжёлой жизни оставшихся дома…

На корабле, как только выбран якорь, чтобы отправиться в поход, поднимали вымпел командира корабля — Андреевский флаг с белыми косицами. Он был поднят днём и ночью, в походе

---

[19] Примечания: 19

Га́фель — наклонный шест, прикреплённый к верхней части мачты.

и в бою.

У команды на корабле было множество дел. Главное из них — учения по матросским специальностям и одинаковая для всех гребля на шлюпках. Разумеется, ещё раз прибирались на палубах, во всех помещениях корабля. И вот долгожданное: «Команде руки вымыть!»

В половине одиннадцатого вахтенный начальник пробовал пищу с подноса в руках кока. Еда хорошая. «К вину и обедать!» Вся эскадра — адмиралы, офицеры и матросы — в одиннадцать часов садилась за трапезу.

«Вахтенный офицер, квартирмейстер[20] следят, чтобы нижние чины ни под каким предлогом не пили более двух третей чарки за обедом и по трети за завтраком или ужином», — гласит Морской устав. Чарка — 143,2 грамма.

После обеда на корабле отдых — до половины второго. После отдыха у команды полчаса на чае питие, затем следовали трёхчасовые занятия.

Перед шестью часами одно за другим поступали распоряжения вахтенного начальника: «В палубах прибраться!», «Команде переодеться!», «К вину и ужинать!».

---

[20] Примечания: 20

Квартирме́йстер — на флоте младший унтер-офицер.

Поужинали. До семи часов, отдыхая, разрешалось петь песни. На стоянке с согласия начальства можно было поудить рыбу.

А что запрещалось матросам? Многое, всего не перечислить! Нельзя обсуждать начальников, нельзя подходить к каюте командира корабля и каютам офицеров. Нельзя говорить о политике и религии… «Нижним чинам безусловно запрещается употреблять бранные и непристойные слова, плевать на палубу и за борт…»

Нижние чины под постоянным надзором офицеров и унтер-офицерских чинов: боцманов[21], кондукторов[22], квартирмейстеров. Если проступок не был тяжким, то могли приказать матросу несколько раз, без передыха, влезть на мачту и спуститься с нее; с полной выкладкой отстоять по команде «смирно» время, достаточное для «науки»…

Но вот день подошёл к концу. Помолились. Флаг спущен. Зажжены отличительные и другие нужные огни. Команда получает койки. Сон

---

[21] Примечания: 21

Бо́цман — младший командир, непосредственный начальник матроса по хозяйственным вопросам.

[22] Примечания: 22

Конду́ктор — воинское звание сверхсрочно-служащих в русской армии и на флоте.

быстро сморил уставших людей. Не спят лишь заступившие на вахту. «Между 1 и 2 часами пополуночи вахтенный начальник приказывает разводить огонь на камбузе для приготовления пищи и озабочивается, чтобы к утреннему чаю были готовы самовары».

Адмирал Нахимов



Адмиралами моряки не становятся сразу, как не появляется сразу большое дерево. Дерево вырастает из маленького семечка. Растёт годы — под дождём, под градом, в жару, в мороз. Поднимаясь выше, делается всё крепче. Но с высотой прибавляются и опасности, и невзгоды. Ураган

пригибает маленькое деревце к земле, а большое дерево он норовит сломать или вывернуть из земли с корнем. Молния из грозовых туч никогда не бьёт в кустик — она ударяет огнём только в высокие вершины.

Путь к высокому адмиральскому званию Павел Степанович Нахимов начал очень рано, одиннадцатилетним мальчиком. Увезённый из смоленского села в Петербург, в Морской кадетский корпус, мальчик подолгу не видел родных и своего дома. На игры и развлечения времени у него не было. Занятия длились полсуток: четыре часа утром, четыре днём и четыре вечером. Будущие военные моряки изучали двадцать наук! Павел Нахимов учился прилежно, ведь, чтобы командовать кораблём, нужны знания.

Первый офицерский чин, мичмана, Нахимов добыл старательным учением. А новые чины добывались труднее. Лейтенантом Нахимов стал во время плавания на фрегате «Крейсер». То было кругосветное плавание по многим морям и трём океанам: Атлантическому, Индийскому и Тихому. Плавание продолжалось в течение трех лет, с 1822 по 1825 год. Множество испытаний выпало тогда на долю мореплавателей: страшные бури, ураганные ветры, ливни и снегопады,

холод и голод. Не однажды парусный корабль мог разбиться о скалы, мог потонуть. Но моряки под командованием знаменитого капитана Михаила Петровича Лазарева преодолели все невзгоды. Они побывали в Африке, в Австралии, в Южной Америке, в Северной Америке и с честью вернулись в родной порт Кронштадт на Балтийском море.

Ещё труднее добывал Павел Степанович следующий военно-морской чин — капитан-лейтенанта. Он заслужил его в сражении с турецко-египетским флотом у греческого порта Наварúн. Была осень 1827 года. В Греции шло восстание народа против ига турецкого султана. Сначала восставшие побеждали, но султан ввёл в страну многотысячные войска, окружил её кораблями, и начались жестокие расправы. Убивали всех: и мужчин, и женщин, и стариков, и детей. В европейских странах люди были потрясены зверствами турецких солдат, жалели греков и требовали от своих правительств помощи несчастному народу. Многие сами поехали в Грецию, чтобы с оружием в руках помогать грекам в справедливой борьбе.

Русское правительство решило послать к берегам Греции эскадру своих кораблей. Оно

предложило правительствам Англии и Франции сделать то же самое и общими силами приостановить кровопролитие.

Флот султана стоял в Наваринской бухте под защитой береговых батарей. Большой флот — девяносто один корабль и пятьдесят торговых судов, вооружённых пушками. Командиры трёх эскадр, русской, английской и французской, послали турецкому командующему требование — прекратить военные действия против Греции. Турки никакого ответа на требование не дали. Тогда по настоянию русских три эскадры — двадцать шесть кораблей — вошли в бухту.

Началось ожесточённое сражение. Звуки выстрелов слились в сплошной гул. Густой дым окутал эскадры. Сквозь него то тут, то там поднимались к небу яркие языки пламени, горели корабли. Прошло всего несколько часов — и весь флот султана погиб.

Самым доблестным в Наваринском сражении был русский линейный корабль «Азов», которым командовал Михаил Петрович Лазарев. «Азов» один бился с пятью вражескими кораблями и вышел из боя победителем.

Павел Степанович Нахимов управлял на «Азове» артиллерийской батареей. Ни на минуту

не отходил он от своих матросов-пушкарей, хладнокровно выбирал цели, отдавал чёткие команды. На батарее были раненые и убитые. А тут ещё начался пожар. Деревянный корабль мог сгореть, мог взорваться, если бы огонь добрался до запасов пороха. Нахимов и его матросы погасили пламя. Пожар вспыхнул ещё раз. И снова погасили огонь… Павел Степанович после боя писал в письме товарищу: «О любезный друг! Казалось, весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы ни сыпались книппели, ядра и картечь… Надо было драться истинно с особым мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников…»

За отличие в Наваринском сражении Нахимов и получил чин капитан-лейтенанта.

Самой же радостной и желанной наградой для молодого офицера стало назначение его командиром корвета «Наварин». У корвета быстрый ход, есть и пушки — двадцать штук. Замечательно то, что это был корабль, захваченный в Наваринском сражении. Турки называли его «Нассаби́х саба́х» — «Восточная звезда».

Павел Степанович Нахимов плавал на «Наварине» три года. Он так хорошо обучил матросов, а корабль был в таком порядке, что адмирал Лаза-

рев назвал Нахимова «отличным и совершенно знающим своё дело морским капитаном».

За умение и знания, за храбрость в боях и плаваниях Нахимова назначили командиром фрегата «Паллада». На «Палладе» было не двадцать пушек, как на «Наварине», а сорок четыре: фрегат вдвое сильнее корвета.

Потом Нахимов строил линейный корабль «Силистрия» и плавал на нём. «Силистрия» имела восемьдесят четыре пушки: линейный корабль был вдвое сильнее фрегата.

После «Силистрии» Павел Степанович командовал отрядами кораблей, а потом и эскадрой. Менялись и чины моряка — от капитан-лейтенанта к капитану второго ранга, затем к капитану первого ранга, наконец к контр-адмиралу и вице-адмиралу.

До самого высокого военно-морского чина, адмирала, Нахимову оставался один шаг, оставалась одна ступенька.

На Чёрном море было неспокойно. Надвигалась новая война Турции с Россией.

Турция была гораздо слабее России. И султан не отважился бы на новую войну. Но султану советовали воевать с северным соседом Англия

и Франция. Долгое время эти страны были хозяевами на морях. А теперь приходилось считаться с Россией, с её флотом. Англию и Францию особенно беспокоило, что Россия укрепилась на черноморских берегах, что русский флот плавает по всем морям и океанам и может стать соперником их сильных флотов. Главные страны Европы решили сообща нанести России удар, который надолго ослабил бы её. Турецкий флот вооружался английскими пушками, армия — английскими и французскими ружьями. Больше того, корабли Англии и Франции пришли в Стамбул и стояли, готовые вступить в бой с русскими кораблями. Начать войну надлежало Турции.

Русский царь Николай I, правивший в ту пору, охотно решился на войну с султаном. Он и представить не мог, какая опасная гроза собирается над Россией. Не предвидел этого и князь Александр Сергеевич Меншиков, командующий сухопутными и морскими силами в Крыму. У князя не было ни военных знаний, ни способностей военного руководителя. Но были на Чёрном море боевые адмиралы: Владимир Алексеевич Корнилов, Павел Степанович Нахимов, Владимир Иванович Истомин, были матросы, о которых вскоре узнает вся Россия, — такие, как Пётр Кош-

ка, Аксентий Рыбаков, Иван Димченко, Фёдор Заика, Прохор Карасиков… Их стараниями Черноморский флот находился в боевой готовности. И начало войны получилось для русских удачным.

Турецкое командование решило уничтожить русскую армию, оборонявшую Кавказ. Для этого туркам надо было высадить десант на берега Грузии, в тылу русской армии. С фронта в это время ударили бы турки, наступавшие со своей территории. Удайся это противнику — и русская армия погибла бы, сжатая с двух сторон, а Грузия и Армения были бы захвачены султаном.

Двадцатитысячный десант у неприятеля был готов. Но турки боялись выходить в море. В море на десантные суда могли напасть русские корабли. И турки ждали свою эскадру, которая будет охранять суда с солдатами.

Русские адмиралы узнали: турецкая эскадра вышла из Стамбула и направилась к берегам Грузии. Вот если бы уничтожить эту эскадру! Или хотя бы остановить её…

Был ноябрь 1853 года. Эскадра под командованием Павла Степановича Нахимова искала в море противника. Линейные корабли и фрегаты шли вдоль турецкого берега, готовые к бою. Легкие корабли-разведчики, как птицы, улетали от эс-

кадры по разным направлениям. Искали врага и пароходо-фрегаты — корабли с паровой машиной и парусами. Уже началась эпоха паровых машин. Флоты многих стран обзавелись пароходами. Пароходы были ещё неуклюжие, пушек на них было мало, но зато они могли плавать в безветрие, в штиль, когда парусные корабли стоят недвижно.

В то осеннее время тихой погоды на Чёрном море почти не было. Ураганные ветры гнали крутую волну. Матросы и офицеры уставали от качки, от постоянных тяжёлых работ — то ураган изорвёт паруса, то мачту сломает. Тяготились и тем, что не обнаружена турецкая эскадра. Может быть, она уже у грузинских берегов, проскользнула незамеченная?

Утром 5 ноября 1853 года при штиле на эскадре Нахимова услышали далёкую орудийную стрельбу. Все встревожились. Лишь вечером узнали, что пароходо-фрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Григория Ивановича Бутакова атаковал турецкий военный пароход «Перваз-бахри» («Владыка морей»). Хотя турки бились храбро, «Владыка морей» был взят в плен и на буксире доставлен в Севастополь.

А через несколько дней наконец-то обнаружили турецкую эскадру. Она стояла у городка

Синоп, в бухте, защищённой артиллерийскими батареями. Синоп расположен почти на равном удалении и от турецкой столицы Стамбула, и от берегов Грузии. Здесь Осман-паша́, турецкий адмирал, устроил своим кораблям отдых перед второй половиной пути.

Был вечер, надвигалась темнота, и Нахимов отложил атаку на утро нового дня. А ночью начался жестокий шторм. Свирепый ветер изо рвал паруса на многих русских кораблях, сломал реи… Пришлось утром отправить два линейных корабля и фрегат на ремонт в Севастополь. Русская эскадра уменьшилась почти наполовину. К тому же после стихшего шторма море покрылось туманом. Опять было невозможно атаковать врага. Чтобы турецкая эскадра не ушла из Синопской бухты, Нахимов загородил выход из неё тремя линейными кораблями. Фрегат он отправил в дозор. Пароход «Бессарабия» с донесением поспешил от Синопа в Севастополь — почти прямо на север, пересекая всё Чёрное море.

У Осман-паши было семь фрегатов, два больших парохода, три корвета, два военных транспорта, два брига. Это почти полтысячи орудий. К ним надо прибавить пушки, стоявшие на суше, сторожившие вход в бухту.

У Нахимова три линейных корабля, на каждом по восемьдесят четыре пушки. Всего двести пятьдесят две. При таком неравенстве в силах Нахимов опять отказался от атаки: надо дождаться помощи из Севастополя и действовать наверняка. А если Осман-паша попытается вывести свои корабли из бухты, драться до последнего выстрела и задержать врага.

Осман-паша, хотя был вдвое сильнее, не торопился воспользоваться своим преимуществом. Он знал об английских и французских кораблях. Его конный гонец мчался по суше к султану. Паша извещал султана о русской эскадре и просил, чтобы корабли союзников пришли ему на помощь.

Но раньше помощь пришла к Нахимову. Это были три стодвадцатипушечных корабля и один фрегат под командованием контр-адмирала Фёдора Михайловича Новосильского. Теперь число русских пушек превысило число турецких. Несмотря на неблагоприятный ветер, мешавший входить в бухту под парусами, вице-адмирал Нахимов приказал атаковать противника.

Утром 18 ноября русские корабли пошли в бухту. Под градом турецких книппелей и ядер русские в полдень встали против турецких кораблей и сами начали быструю стрельбу из орудий.

Флагманский корабль «Императрица Мария», на котором находился Павел Степанович Нахимов, сразился с флагманским фрегатом «Ауни-Аллах», на котором находился Осман-паша. Через полчаса, не выдержав яростного обстрела, фрегат обрубил якорные канаты и выбросился на берег. За ним устремился к отмели фрегат «Фазли-Аллах». Горели другие корабли неприятеля. Два из них взорвались. Взрывы подняли в небо тучи горящих обломков. Пылающие головни падали на город. В городе начались пожары. Их никто не гасил. Все жители перед началом сражения ушли в окрестные деревни.

Не прошло и трёх часов, а турецкая эскадра — пятнадцать кораблей из шестнадцати — была уничтожена. Уцелел лишь двадцатипушечный пароход «Таиф». На нем бежал из Синопа контр-адмирал Мушавер-паша — так турки называли англичанина Адольфа Слейда, своего военного советника.

Все русские корабли были на плаву. Но все они имели повреждения: пробоины в бортах, изодранные паруса, разбитые мачты, обгоревшие борта и палубы.

Вечером подошли к Синопу русские вооружённые пароходы. Но их помощь понадобилась лишь

при буксировке пострадавших кораблей.

Севастополь торжественно встретил победителей. Все ликовали. Известие о морской победе разнеслось по России.

После Синопского сражения ждали известий с Кавказа. Как-то будет там?

Турки, потеряв эскадру у Синопа, не высадили десант в Грузии. Поэтому в тылу у русских сухопутных войск было спокойно. И они вскоре разбили турецкую армию, наступавшую на Армению. Так победами на море и на суше закончился первый год войны.

Самым славным героем этих побед все называли вице-адмирала Павла Степановича Нахимова. На этот раз наградой ему стал не только орден Святого Георгия, который высоко ценился военными людьми и был у немногих, но ещё и стихи поэтов. А флотоводец думал не о славе и наградах. Он умел смотреть в будущее, умел предвидеть события. Его тревожил Севастополь — главная база черноморского флота. Город имел хорошую защиту со стороны моря. Мощные орудия береговых батарей не подпустят к городу корабли врага. Но на суше Севастополь не был укреплён. И если враги пойдут к нему по суше, остановить их будет почти невозможно. А главнокомандующий

князь Меншиков и сам царь считали укрепления со стороны суши ненужными, излишними. Они не послушались предостережений опытного моряка.

Англия и Франция увидели, какие грозные поражения потерпела Турция, и сами вступили в войну против России. К ним присоединилось королевство Сардиния. Первую половину 1854 года союзники готовились нанести России сокрушительный удар. В портовых городах на западном побережье Чёрного моря собирались многотысячные войска. Туда доставлялись порох, ядра, продовольствие, лошади для кавалерии, сено и зерно для лошадей. Сотни торговых судов под охраной военных кораблей были заняты этими перевозками.

В портах Англии и Франции готовились эскадры для действий против России на других морях. На Балтийском море союзники намеревались взять Кронштадт, прикрывавший водную дорогу к русской столице Петербургу. На Белом море собирались атаковать порт Архангельск. Намечались военные действия на другом краю России: англо-французская эскадра предполагала высадить десант на Камчатке и захватить город и порт Петропавловск-Камчатский.

Лето кончалось. Противник всё ещё не начинал на Чёрном море боевых действий. И главнокомандующий Меншиков вздохнул спокойно. Впереди — осень, за осенью — зима. Англичане и французы, считал Меншиков, побоятся зимы и отложат вторжение в Крым до нового лета. А раз так, то нет необходимости держать здесь большую русскую армию и готовиться к отражению десанта. Князь жестоко ошибался. Неприятельские генералы действительно боялись держать свои войска зимой в сырых и холодных окопах, но они рассчитывали занять Севастополь до зимы.

И вот в начале осени триста транспортных судов подошли к Крымскому полуострову. У Евпатории выгрузились на берег более шестидесяти тысяч английских, французских и турецких солдат. Высадку такого огромного десанта охраняли девяносто паровых и парусных кораблей.

С места высадки неприятельская армия двинулась к Севастополю. Ей предстояло пройти около семидесяти километров.

Почему неприятель хотел захватить Севастополь, а не какой-либо другой русский порт на Чёрном море?

Мал ключ по сравнению с замко́м. Ещё меньше он по сравнению с воротами, на которых замок. И

уж совсем крохотен по сравнению с тем, что находится за воротами. Но если нет в руках ключа, то замка не отпереть, ворот не открыть, за ворота не пройти. Городом-ключом ко всему Крыму и даже ко всему Чёрному морю был Севастополь. Поэтому враг хотел взять его.

Примерно на полпути от Евпатории к Севастополю есть речушка Альмá. В её неширокой каменистой долине в сентябре 1854 года русские солдаты вступили в бой с неприятелем. Русских было вдвое меньше. И хотя они дрались мужественно, им пришлось отступить. Сдержать врага — многочисленного и лучше вооружённого — они не смогли. Отступила русская армия не на юг, не к Севастополю, а на юго-восток, к городку Бахчисараю. Так приказал главнокомандующий Меншиков. В отступлении к Бахчисараю был свой смысл: таким маневром русские войска защитили дорогу, ведущую из Крыма в глубь России; по этой дороге будут доставляться боеприпасы, продовольствие, по ней пойдут пополнения, раненых из Севастополя тоже будут увозить по ней. Но путь врагу в Севастополь оказался открытым. И защищаться город должен был сам — силами небольшого гарнизона и отрядами моряков.

Потери неприятеля в сражении на речке Альме

оказались такие большие, что союзная армия долгое время оставалась на месте и приводила в порядок свои дивизии. Да и спешить, казалось, было некуда: Севастополь в тридцати километрах, дорога к нему открыта. Укреплений у города нет. «Пройдут дни, — рассуждали неприятельские генералы, — и, атакованный с моря кораблями, а с суши пехотными дивизиями, Севастополь падёт. С ним погибнут корабли русского Черноморского флота, затем весь Крым будет отнят у России».

Но в эти опасные и тревожные дни севастопольские моряки и солдаты, все жители города, в том числе женщины и дети, копали на окраинах города окопы и траншеи, строили блиндажи[23], устанавливали снятые с кораблей орудия, обкладывали их мешками с песком, возводили перед окопами и траншеями земляные насыпи. Эти рубежи должны были стать для врага неприступными.

Опасным местом для обороны города была бухта. Длинная и узкая, она разделяет город на Северную и Южную сторону. В бухту мог войти вражеский флот. И тогда неприятель оказался

[23] Примечания: 23

Блинда́ж — сооружение для защиты от артиллерийского огня в виде углубления в земле, покрытого брёвнами.

бы в тылу у защитников Севастополя. Чтобы не случилось этой беды, у входа в бухту затопили парусные корабли. Жалко самим топить линейные корабли и фрегаты, так доблестно служившие в походах и боях, горестно смотреть, как уходят под воду грозные великаны, но иного выхода нет. Флот союзников во много раз сильнее и многочисленнее русского, победить его в открытом бою невозможно. Парусники встали на пути врага подводной стеной. Стена угадывалась по верхушкам мачт, торчавшим из воды. Чайки кружились над ними с криками, будто оплакивали гибель Черноморского флота.

И многие моряки плакали. Но они знали, что будет флот, будут у России на Чёрном море новые корабли, сильнее и многочисленнее, — всё будет, если не отдать врагу Севастополь.

Обороной Южной стороны города командовал вице-адмирал Нахимов. Вышло так, что противник решил атаковать город с юга. Все его дивизии подошли к южной окраине. И тут изумлённые англичане и французы увидели перед собой непрерывную линию укреплений: бастионов[24],

[24] Примечания: 24

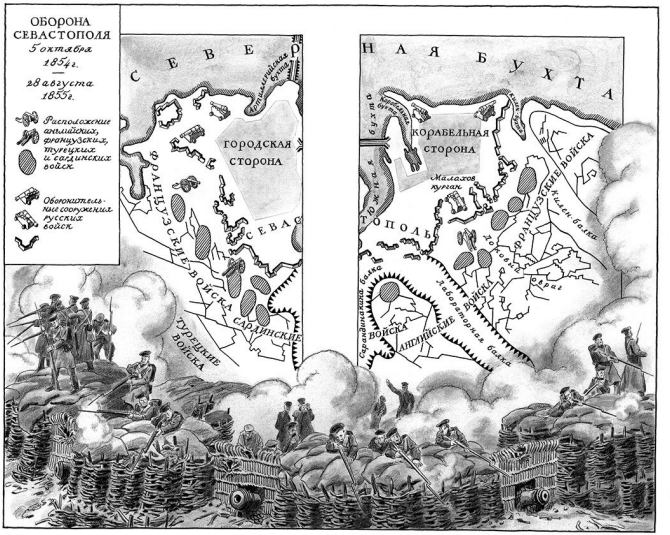
Бастио́н — крепостное или полевое укрепление пятиугольной формы.

редутов[25] и траншей. Они остановились, не решившись сразу атаковать такие укрепления. А остановившись, сами начали зарываться в землю — тоже строить блиндажи, рыть окопы и траншеи, устраивать укрытия для своих пушек. К этому принудили врага пули севастопольских стрелков, картечь и ядра русских пушек, штыковые удары храбрецов, пробиравшихся тёмными ночами в расположение врага.

---

[25] Примечания: 25

Реду́т — полевое укрепление с наружным рвом и валом.



Началась героическая оборона Севастополя. Она продолжится 349 дней и войдёт в историю как небывалый до того подвиг солдат и матросов и их командиров.

Английские и французские генералы ещё не

знали, что бои за Севастополь растянутся почти на год. Им ещё казалось, что победа близка. Надо только засы́пать защитников города ядрами, бомбами, картечью, пулями — и русские, что останутся в живых, запросят пощады. 5 октября 1854 года вражеские орудия — с суши и с кораблей — открыли ураганный огонь, начали первую бомбардировку города. Они выпустили пятьдесят тысяч снарядов. На многие километры местность окуталась густым дымом и пылью. Выстрелы орудий слились в беспрерывный грохот. Но когда роты англичан, французов и турок вылезли из своих траншей, чтобы идти в город, они сами попали под ядра, бомбы, картечь и пули: русские солдаты и матросы дали отпор врагу. Враги бросились в штыковые атаки. И… бежали назад от русских штыков.

Горькой потерей в ту бомбардировку стала гибель Владимира Алексеевича Корнилова. Его смертельно ранило на Малаховом кургане, в самом опасном месте обороны. Тогда же был ранен и Павел Степанович Нахимов. Он, раненный, взял на себя после смерти боевого друга все заботы о защите Севастополя.

Бои и стычки на Южной стороне города происходили каждодневно. Временами противник

повторял свои разрушительные обстрелы. Но Севастополь, теряя тысячи защитников, по-прежнему был неприступен.

На третьем году Крымской войны Павел Степанович Нахимов получил чин адмирала. Но простые солдаты и матросы задолго до царского указа уже считали Нахимова главным командиром в Севастополе. Его распоряжения, даже самые суровые и опасные, исполнялись беспрекословно. Если нельзя было исполнить их не умерев, погибали в боях, зная, что это нужно Севастополю и всей России. Матросы и солдаты видели, что и Нахимову Родина дороже собственной жизни.

А держаться было всё труднее и труднее. Англичан, французов, турок и сардинцев собралось у Севастополя уже двести тысяч. Это против сорока тысяч русских. Против каждого защитника города — пять врагов!

Широко раскинулись севастопольские укрепления. Они поднимаются на курганы, спускаются в крутые овраги, нигде не прерываются. Можно заблудиться в лабиринтах траншей и ходов, между артиллерийскими батареями и блиндажами. Все укрепления не скоро обойдёшь. И адмирал объезжал их на лошади. Однажды, когда неприятель густо сыпал ядра и бомбы во круг всадника,

казаки сняли адмирала с седла, отнесли в укрытие и потребовали сло́ва, что не будет ездить в такой близости к неприятелю. Нахимов отшутился тогда, сказал, что нехорошо рядовым казакам хватать в охапку адмирала.

Нет, не мог Нахимов дать такое слово. Если бы дал, то скоро и нарушил бы его.

Сил, чтобы оборонять Севастополь, оставалось совсем мало. Не хватало пороха. Не было ядер для пушек. Лазареты переполнились ранеными. Подкрепления ждать неоткуда. Теперь командир мог помочь своему войску лишь тем, что будет с ним делить все опасности. Высокий, в чёрном мундире с золотыми эполетами, адмирал ходил по укреплениям, распоряжался, как лучше сдержать врага. Видели Нахимова русские воины, восхищались его храбростью и сами становились храбрее. Видели Нахимова враги. Они тоже удивлялись его бесстрашию — и стреляли в него из ружей, из пушек стреляли в одного человека. Знали: пока жив этот командир, Севастополь им не взять.

И вот случилось то, чего так боялись защитники города. 28 июня на Малаховом кургане, где был смертельно ранен адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, смертельную рану получил и

адмирал Павел Степанович Нахимов. Умер он 30 июня 1855 года.

Что же происходило в Севастополе после гибели Нахимова?

В конце лета неприятель подверг укрепления и город новой бомбардировке, шестой по счёту, самой сильной. Вражеские пушки за трое суток выпустили сто пятьдесят тысяч снарядов! Но и после такого огненного урагана защитники города штыками отбили атаки. Не удалось только удержать Малахов курган. Там каждому русскому воину пришлось сражаться с десятью вражескими. Русское командование решило отвести войска с Южной стороны на Северную сторону города и в прочных укреплениях продолжить оборону.

Ночью наши войска переправились через бухту и утром были готовы к новым боям.

Неприятель новых боёв не начинал. У него были убиты и ранены тысячи солдат. Английские и французские генералы наконец-то поняли, что Севастополь одолеть невозможно.

Но война на этом не кончилась. Продолжались бои на Кавказе. Там успех был у русской армии. Сначала она разбила турок в Грузии, затем — в Армении, а в ноябре 1855 года, вступив в Турцию,

взяла крепость Карс. В плен попали двадцать тысяч турецких солдат и английский генерал, который командовал ими. Перед русским войском открылась дорога в глубину страны. Тут уж воюющие стороны согласились на переговоры о мире. Русское правительство было вынуждено сделать уступки Англии, Франции и Турции. Но Крым и Севастополь остались российскими.

Через полтора десятка лет начал восстанавливаться на Чёрном море русский военный флот. Это были уже совсем другие корабли — с паровыми машинами, с корпусами не из дерева, а из металла, с бортами, обшитыми бронёй, с орудиями дальнобойными и скорострельными. Создателем русского парового броненосного флота стал ученик Нахимова и Корнилова адмирал Григорий Иванович Бутаков. Он, если помните, победил неприятеля в самом первом бою пароходов.

Григорий Иванович Бутаков говорил о своих учителях: «Ни Нахимов, ни Корнилов не родились, а сделались Нахимовым и Корниловым, — сделались потому, что постоянно посвящали себя всеми силами прежде службе, а потом себе, а не прежде себе, а потом службе… Вот весь секрет этих знаменитых вождей наших, завещанный

нам в огне и пламени Севастополя».

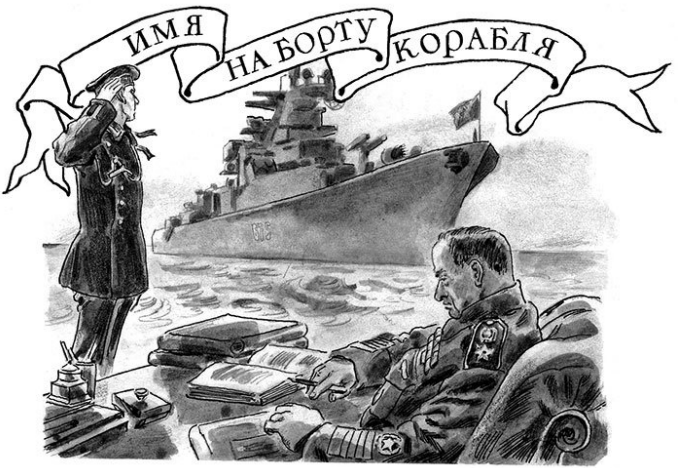
Наши люди хранят память о великих флотоводцах России.

Уже дважды в историю нашего военно-морского флота вошёл крейсер с именем «Адмирал Нахимов».

Мальчики, которые решили стать военными моряками, учатся в Нахимовском училище.

Во время Великой Отечественной войны, когда наша Родина сражалась с фашистами, правительство учредило награды для военных моря ков — ордена и медали Ушакова и Нахимова. Самые доблестные воины удостоены этих наград.

Имя на борту корабля



Судьбы выдающихся российских адмиралов были во многом схожи. Почти все они уроженцы мест, далёких от моря, и начинали путь к высотам мастерства с детской мечты, с постижения самых азов морской науки. Так росли Ушаков и Нахимов. Так росли и знаменитые советские адмиралы. В их числе Иван Степанович Иса́ков.

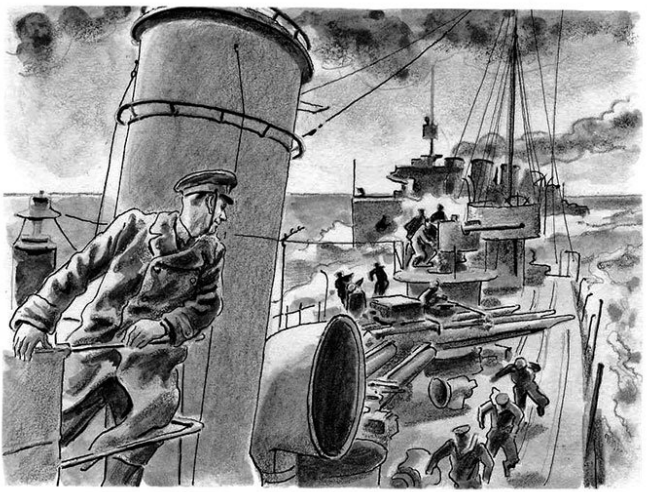
Ованес Исаакян — так звали адмирала в детстве

— был сыном железнодорожного техника из Карабаха. Отец умер рано, воспитывали мальчика мать и дед. Учился Ованес в тифлисском реальном училище. Учился очень хорошо. Мальчик мечтал о морской службе. Мечта эта питалась чтением книг из прекрасной библиотеки дяди. Однако в Петербургский Морской кадетский корпус, привилегированное учебное заведение дореволюционной России, в 1913 году его не приняли: недворянин, нерусский. Пришлось поступить в технологический институт. Через год, уже после начала Первой мировой войны, он сдал экзамены и поступил во вновь открывшиеся Отдельные гардемаринские классы. Занятия проходили в казармах, на верфях Адмиралтейства, в гавани Кронштадта. Практика проводилась на кораблях Дальневосточной флотилии. Учебное плавание началось на крейсере «Орёл» в Охотском море. Экзамены на мичмана он сдал на высший бал — все двенадцать предметов — в бурные дни февральской революции 1917 года. Был направлен на строящийся для балтийского флота новейший эсминец «Изяслав».

В сентябре того же года совсем ещё новенький корабль участвовал в боях с рвущимися в Петроград немцами в Рижском заливе, возле

Моонзундских островов. Команда «Изяслава» оценила роль мичмана Ивана Исакова в его первых боях на первом корабле. Он участвовал в постановках мин, управлял огнём кормовых пушек.

Не прошло и месяца, — после Октябрьской революции, когда часть прежних офицеров сбежала с эсминца, — и матросы избрали юного мичмана старшим офицером. С тех пор вся жизнь Ивана Степановича была неразрывно связана с Красным флотом.



Невозможно даже перечислить всех событий той эпохи, о которых мог поведать их участник — моряк Исаков. Героический ледовый поход на Балтике, бои с интервентами на Каспийском море, переход кораблей по Беломорско-Балтийскому каналу для пополнения Северного флота,

война с белофиннами, создание военно-морских баз на Тихом океане — во всём этом была горячая доля вдохновенного труда Ивана Степановича.

Начиная службу с азов, Исаков стал искусным мастером вождения кораблей. Об умении командира управлять кораблём моряки судят по тому, как он швартуется. Вот как описывает «почерк» Исакова писатель Владимир Рудный: «Исаков вёл с моря „Изяслав“ к точно известной стоянке, зная, что двое соседних эсминцев — на местах и лишнего простора между ними нет. Оставлена узкая, но для умельца достаточная щель между двумя такими же кораблями, со единёнными с кормы сходней с берегом. Он должен без суеты, не задев чужого борта, не оскорбив ошибкой самолюбия своей команды, занять свое место, бросить на берег сходню и начать обычную жизнь у причала. Он выполнял это как артист… Он влетал в щель между соседями и в мгновение, доступное только ему, его интуиции и глазомеру, давал после „среднего назад“ — „полный вперёд“ и останавливал корабль как вкопанный на расстоянии, достаточном, чтобы не уронить сходню в воду, а положить на берег устойчиво… У зрителей дух захватывало от его цирковых эволюций. Конечно, такая виртуозность основана на знании

теории корабля, математическом расчете, долгой тренировке, анализе наблюдений за маневрами товарищей и тысяче иных элементов того, что именуется опытом. Но был тут и артистизм моряка до последней кос точки».

С Балтийского моря Ивана Степановича перевели на Чёрное с такой аттестацией: «Из командиров — самый молодой, но вполне на месте. Очень энергичен и способен. Для выполнения ударных задач, как военного характера, так и работ, незаменим». На Чёрном море он достраивает эсминец «Петровский» и командует им. Но больше работает в штабах флота и береговой обороны. А потом несколько лет учения в военно-морской академии и преподавание в ней.

Как бы ни был талантлив человек от рождения, какими бы замечательными способностями ни обладал, нужно учиться. Нож оттачивается на бруске, талант и способности — в учении. Иван Степанович учился постоянно, ежедневно, ежечасно. Высший балл, полученный на экзаменах на чин мичмана, не был случайностью. Исаков к воинскому званию — очень высокому — прибавит профессорское звание, станет академиком. Он много сделает для морской науки и флота как учёный. Но это будет к концу жизни. А неза-

долго до Великой Отечественной войны Ивана Степановича отозвали из академии, назначили начальником штаба, затем командующим Балтийским флотом.

Войну он начал в должности заместителя наркома Военно-морского флота страны. Исаков блестяще знал военно-морское дело и служил ему беззаветно везде и всегда.

В числе немногих специалистов, не боясь прослыть паникёром, он настаивал на строительстве сухопутных укреплений вокруг морских баз. Его знания в этой области пригодились при обороне Ленинграда. Когда в самые тяжёлые дни обороны командующим Ленинградским фронтом назначили Жукова, в заместители ему по военно-морским силам определили Исакова. «Иван Степанович был одним из самых сильных и талантливых военачальников военно-морского флота», — вспоминал позже мар шал.

Шёл второй год Великой Отечественной войны. Фронт протянулся от Баренцева моря на севере через всю страну, через разрушенные города и пылающие деревни, до моря Чёрного. Фашисты рвались к Сталинграду и на Кавказ: им очень нужны были богатства нашего юга, и в первую очередь нефть. Без неё нет горючего для танков,

самолётов, кораблей. И потому огромные силы, отборные дивизии враг бросал на захват черноморского побережья и его важнейших портов. После героической обороны наши войска оставили Одессу и Севастополь. К октябрю 1942 года немцы заняли почти весь Новороссийск и пытались через горы прорваться к одной из последних баз черноморского флота — Туапсе.

Над нашими кораблями нависала угроза остаться в море, все берега которого контролируются врагом. Так как на суше решалась судьба флота, моряки помогали бойцам сухопутных войск оборонять Кавказ. В горах, ущельях, на перевалах шли ожесточённые схватки. За Гойтхским перевалом начиналась прямая дорога к Туапсе. Все войска, какие только можно было собрать, направлялись в горы. Там сражались стрелки, морские пехотинцы, отряды альпинистов, милиция, ополченцы. В решающем месте были и военачальники, руководившие всей обороной Кавказа.

Жизнь опытного и умного военачальника имеет чрезвычайно высокую цену. Иногда просто бесценна для страны. Конечно, жизнь любого воина дорога́. Но маршалу и адмиралу замену найти трудно, бывает и невозможно. Когда войсками

командует талантливый военачальник, войска одерживают победы, несут меньшие потери. Это известно и армии, и флоту. Потому нередко и солдаты и матросы жертвуют собой ради спасения командира. А вот военачальник не имеет права рисковать собой.

Но бывают случаи, когда риск необходим для победы. Такой момент возник при обороне Гойтхского перевала. Немцы всё-таки захватили перевал и уже ринулись к Туапсе.

В тот час командование не имело даже горстки бойцов, чтобы подкрепить своих. Тогда в решающую точку боя поспешили командующий Закавказским фронтом генерал армии Иван Владимирович Тюленев и член Военного Совета фронта адмирал Иван Степанович Исаков. Сам факт появления этих военачальников в опаснейшем месте сражения был решающим. Наши бойцы сумели остановить неприятеля, а затем отбросить его за перевал.

Всё было бы хорошо. Но в ущелье адмирал попал под бомбёжку. Шестёрка «юнкерсов» забросала ущелье бомбами. Осколок размозжил Исакову бедро. На грузовике раненого вывезли из-под бомбёжки, доставили в медсанбат. Там врачи сменили повязку, сделанную на скорую

руку санитаром, — другой помощи оказать не могли: ранение было тяжелейшее.

Адмирала нужно было отвезти в полевой госпиталь в Туапсе. Малейшее сотрясение вызывало страшную боль, поэтому решили воспользоваться дрезиной на железной дороге. Только собрались нести раненого к дрезине, как её разбило бомбой. Нашли другую дрезину. Добрались до города. Там операцию тоже некому было делать. Морем отправили адмирала в Сочи.

Шли вторые сутки после ранения. У Исакова начиналась гангрена — омертвение тканей, кончающееся чаще всего смертью раненого. В Сочи вылетел главный хирург Черноморского флота Петров. Срочная ампутация всей ноги могла ещё сохранить жизнь адмиралу. Когда Петров сказал, что ногу спасти нельзя, Исаков ответил: «Спасите мне голову…»

Из Москвы вылетел к раненому главный хирург флота, академик Джанелидзе, лечивший раненых ещё в первую мировую войну, с двумя профессорами. Они везли чудодейственное лекарство — редчайший в то время пенициллин. Помощь приближалась медленно. Лётчик вёл самолёт, огибая Сталинград, вдоль восточного берега Каспийского моря на Баку, затем на Тбилиси:

в воздухе постоянно рыскали «мессершмитты».

После операции состояние адмирала оставалось тяжёлым. Он часто терял сознание. По отрывочным фразам, сказанным в бреду, дежурившие у постели понимали: адмирал, угасая, продолжает думать о флоте, о войне, о судьбе Родины. Горюет, что в самое трудное время вышел из строя.

Однажды, придя в сознание, он высказал просьбу, чтобы после смерти назвали его именем эсминец. В этой просьбе не было тщеславия, а было желание оставаться с флотом и после смерти. Желание желанием, но и в самом деле имя Ивана Степановича Исакова было бы украшением корабля, напоминая — как и другие имена славных моряков — о верности человека морю, о четвертьвековом неустанном служении Родине, о жизни, отданной без остатка любимому флоту.

Ни знаменитые врачи, ни редкостные лекарства не помогали. Жизнь адмирала оканчивалась. Наступил момент, когда пульс совсем перестал прощупываться. Прошло два часа, как исчезли видимые признаки жизни. Хирург Петров понимал: больше надеяться не на что. Он сидел у кровати умирающего, словно ожидая какого-то чуда… И чудо свершилось! Пришла телеграмма

из Ставки Верховного главнокомандования — так назывался тогда в стране высший орган военного руководства.

— Иван Степанович, — сказал хирург, — вам телеграмма из Ставки…

И адмирал открыл глаза. Еле заметно дрогнула жилочка пульса на запястье. Он был ещё нужен Ставке! Пусть без ноги, пусть изнуренный постоянными скачка́ми температуры — от сорока двух до тридцати пяти, измученный нестерпимой болью. Ставка не стала бы тревожить, если бы не было у неё дела к нему. В трудное время, в критическое для Родины время Ставка что-то приказывала своему адмиралу…

Врач прочёл телеграмму: «Сочи. Адмиралу Исакову. Не теряйте мужества, крепитесь. По мнению врачей, вы можете выздороветь. Ваша жена вылетела к Вам. В случае трагического исхода лучший эсминец черноморского флота будет назван „Адмирал Исаков“. Желаем здоровья. *Сталин*[26]. *Кузнецов*[27]».

---

[26] Примечания: 26

Ста́лин Иосиф Виссарионович — руководитель страны и Верховный главнокомандующий Вооружёнными силами СССР во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

[27] Примечания: 27

Кузнецо́в Николай Герасимович — Адмирал Флота Советского Союза. Народный комиссар Военно-морского флота.

Известны случаи, когда умирающий находил в себе силы отодвинуть смерть до приезда близкого человека и умирал, попрощавшись с ним. Но адмирал Исаков нашёл в себе силы не ото двинуть смерть на несколько часов, а победить её и прожить ещё долгие годы.

Что же всё-таки не дало погаснуть искорке жизни в организме адмирала? Что заставило последнюю искру стать такой горячей, что снова пришло в движение сердце? Обещание назвать эсминец именем «Исаков»? Если бы так, то зачем жить дальше?.. Может быть, дружеское участие главнокомандующего и наркома, людей, так занятых заботами войны и всё же отыскавших время подбодрить адмирала? И это тоже, но не в главной степени.

Вспомним другого нашего Степановича — Павла Степановича Нахимова. Он был очень больной в дни обороны Севастополя. Он признавался врачу, что держится лишь страшным напряжением обстановки. Что, прекратись натиск англичан и французов, он тут же умрёт. Думаю, что причина воскресения адмирала Исакова подобна причине, питавшей сверхчеловеческой энергией адмирала Нахимова в течение многих месяцев. Это желание служить Родине в

самую трудную пору. Сознание, что порученную тебе должность другой лучше тебя не исполнит. И сверхважность дела, которое происходит сейчас и которое нельзя оставить незавершённым и нельзя отложить. Война убила адмирала Исакова, война же и воскресила его, так как она не была ещё завершена нашей победой.

В госпитале оберегали новую жизнь адмирала, как оберегают на ветру крохотный огонёк, пока не станет он пламенем. Для выздоровления была нужна абсолютная неподвижность. Но над госпиталем стал появляться немецкий самолёт-разведчик. Какие-то сведения о том, что здесь лежит раненый адмирал, попали к врагу. Могли прилететь бомбардировщики. Оставаться в Сочи было нельзя.

На тральщике[28], который охраняли два катера, Ивана Степановича перевезли в Сухуми, оттуда поездом в Тбилиси. Впереди вагона, в котором лежал раненый, и позади ехали платформы с зенитками.

Много месяцев поправлялся Иван Степанович. Рана в конце концов зажила. Но боли не утихали. Не утихали все двадцать пять лет, которые он

---

[28] Примечания: 28

Тра́льщик — военный корабль для обнаружения и уничтожения мин.

прожил после ранения. После ранения характер его работы изменился, но не изменился стиль её: всё делалось тщательно, энергично, умно, начиная с подготовки условий капитуляции Германии, которой он занимался как член правительственной комиссии.

Если вы серьёзно увлечётесь флотом, непременно прочтите книги-исследования по морскому делу, написанные Исаковым. Прежде всего это «Морской атлас» — многотомное издание, которое известно морякам и учёным всего мира. В нём упоминаются свыше ста тысяч пунктов земного шара, содержатся сведения о всех течениях, приливах, путях циклонов и тайфунов, границах льдов и их движении, глубинах морей, характере берегов, погоде — словом, обо всём, что важно знать мореплавателю. Карты атласа показывают маршруты исследовательских экспедиций, открытия моряков и географов. Атлас был задуман Иваном Степановичем. Он возглавлял работу над ним и был его редактором. Адмирал был удостоен за атлас Государственной премии.

Но первым вашим чтением должны стать книги его рассказов о море. В ряду высоких званий Ивана Степановича Исакова — адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза,

член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии, было ещё звание члена Союза писателей. Ни одно звание не даётся даром. Вы убедитесь в том, если раскроете его книги «Морские истории», «Рассказы о флоте», «Морское притяжение», «Неистребимый майор», «Каспий, 1920 год». Рассказы эти читаются с захватывающим интересом. И вместе с тем даты, фамилии матросов и адмиралов, названия кораблей в них абсолютно точны, как в энциклопедических статьях. Здесь вся история и жизнь нашего Военно-морского флота.

Энергии и заинтересованности Ивана Степановича хватило на то, чтобы подробно консультировать создателей знаменитого послевоенного фильма об адмирале Ушакове. По его чертежам кинематографисты построили макеты кораблей, говорили даже о непосредственном участии его в съёмках.

А вот что адмирал Исаков мудро советовал тем, кто интересуется историей флота, историей страны: «Без слов живых людей — участников событий, в виде ли статей или мемуаров, нельзя получить достаточно полного и объективного представления даже об относительно недавнем прошлом нашего флота, армии и всего государ-

ства в целом».

Знаменитый нарком ВМФ адмирал Кузнецов, с кем Исаков многие годы был тесно связан совместной службой, вспоминал последнюю встречу со своим бывшим заместителем.

«Разговор зашёл о литературных делах.

— Предлагают написать что-нибудь покрупнее, чем маленькие рассказы, но я не берусь, — сказал Иван Степанович.

Объяснял он это не состоянием здоровья, как я ожидал, а тем, что объёмистые труды мало кто читает. А вот маленькие рассказы, судя по письмам, читают весьма охотно…

Вдруг он почему-то вспомнил о своём ранении и о полученной тогда телеграмме:

— Я думаю, после смерти всё же назовут один из эсминцев моим именем. Ведь у меня не остаётся потомства…

Так через двадцать пять лет он повторил своё желание, чтобы эсминец, находящийся в строю, носил его имя».

Иван Степанович ушёл из жизни в 1967 году, отдав морю и юношеской мечте полвека своей беспримерной службы. Но много лет плавал по морям и океанам, продолжая его служение Родине, большой противолодочный корабль

«Адмирал Исаков».

В холодном поту



Заполярье — это север страны, наши земли у Ледовитого океана, за Полярным кругом. В Ледовитом океане вечные льды. Круглый год идут оттуда холода. В Заполярье зима долгая-долгая! И всю зиму — ночь. Лето тоже необыкновенное. Солнце всё время на небе. Три месяца беспрерывный день! В Заполярье по морям Ледовитого океана проложен Северный морской путь. Плавают по нему разные суда. Находят чистую воду

среди льдин и плывут. А если нет чистой воды, дорогу судам прокладывают ледоколы. В холодной земле Заполярья много богатств: газ, нефть, металлические руды, уголь.

Хотя есть там место, где сравнительно тепло, где море не замерзает и зимой. Здесь воды Ледовитого океана сливаются с тёплыми водами океана Атлантического. Это Баренцево море, Кольский полуостров, порт Мурманск. Но Баренцево море невероятно суровое и опасное. Тихая, ясная погода — редкость. Кончается один шторм — начинается другой. Даже в летнюю пору вдруг наплывают тучи и летит из них снег.

В Заполярье жить и работать труднее, чем на Большой земле. Однако северяне любят свой край. И все остальные жители России понимают их. Пусть моря покрыты льдом, пусть берёзки малы, но они ведь наши! Наши белые медведи выходят смотреть, как идут среди ледяных полей наши суда. Наши рабочие бурят скважины в промёрзшей земле, чтобы по нашим трубам тёк наш газ. Наши лётчики летят над тундрой, а в тундре, тоже нашей, пасутся стада наших оленей…

Наше Заполярье соседствует с заполярными районами Финляндии и Норвегии. Когда началась Великая Отечественная война, с территории

этих стран немецкие фашисты напали на нашу землю. Норвегию они захватили ещё в 1940 году, а Финляндия была их союзницей. Бои с врагом и в тундре и на море были жестокие. Советские моряки, пехотинцы и лётчики в тех боях одержали над фашистами полную победу. И Родина наградила воинов Карельского фронта и Северного флота медалями «За оборону Советского Заполярья». Вот несколько рассказов о моряках, удостоившихся такой награды.

Бесстрашный «Туман»



«Туман» — сторожевой корабль, «сторожевик», как принято говорить на флоте. Он был из семьи кораблей, вооружённых двумя пушками, пулемётами, минами и глубинными бомбами. Все корабли той семьи носили схожие имена: «Ураган», «Шторм», «Тайфун», «Шквал», «Пурга»,

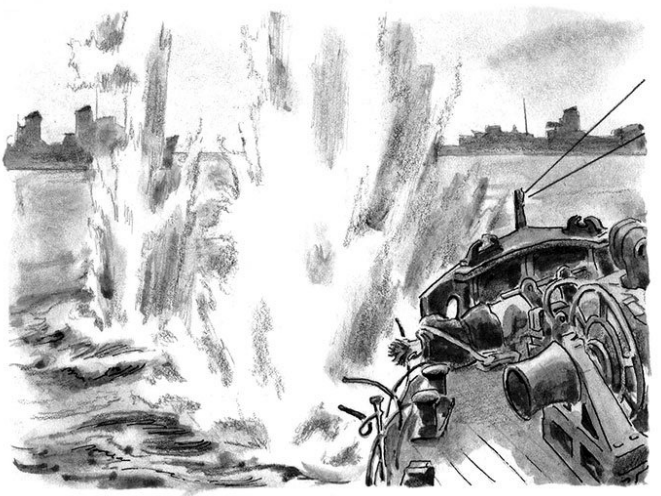
«Туча», «Гроза»... Моряки других кораблей называли их в шутку «дивизионом плохой погоды». Экипажи сторожевиков не обижались на шутку товарищей. Они справедливо считали, что названия эти самые морские. Разве есть море без штормов, ураганов и туманов? К тому же экипаж может прославить свой корабль подвигом. Тогда простое имя будет звучать грозно, оно навеки останется в памяти народа. На что уж скромное название — «Ёрш». А как фашисты на Балтийском море боялись «Ерша» — нашу подводную лодку! Обнаружив её, предупреждали по радио свои суда и корабли: «Берегитесь! „Ёрш“ потопит торпедой!»

С первых дней войны «Туман» нёс дозорную службу в Баренцевом море, у входа в Кольский залив. Он следил, чтобы враг не появился незамеченным на морской дороге в Мурманск. Поначалу всё было хорошо. «Туман» отбил атаку фашистских самолётов. Потом сам атаковал вражескую подводную лодку — сбросил на неё глубинные бомбы. И лодка, спасаясь, ушла от наших берегов. Но вот далеко в море, там, где небо как бы сходится с водой, показались три корабля. Это были немецкие эсминцы. Эсминец гораздо крупнее и сильнее сторожевика. На «Тумане» два неболь-

ших орудия. На эсминце пять больших. А всего у фашистов против наших двух — пятнадцать!

И всё же командир «Тумана», старший лейтенант Лев Шестаков, повёл сторожевик навстречу врагам. Корабль в дозоре как часовой на посту. Пусть малы его силы, он должен задержать врага до прихода помощи. Если эсминцы подойдут близко к берегу, они причинят нам много бед.

Внезапный набег фашистам не удался. Они открыли артиллерийский огонь по сторожевику. «Туман» ответил своими снарядами. Вокруг нашего корабля начали вздыматься водяные столбы. Сторожевик менял курсы: то бросался влево, то вправо — уходил из-под града снарядов. И всё же один снаряд взорвался на корме. Тем взрывом повредило кормовое орудие. Теперь стреляло лишь носовое орудие «Тумана». Но сторожевик не вышел из боя.



Ещё один снаряд разбил мостик. И тут все три эсминца перестали стрелять. Перевязывая раненых, заделывая пробоины, моряки «Тумана» заметили, что на мачте корабля нет флага. Обгоревшее полотнище лежало на палубе. Осколком перебило шнур, которым крепился флаг. Если

нет на мачте флага, значит, корабль сдаётся. Так и рассудили фашисты на эсминцах. Они приготовились пленить наш корабль, увести его к себе, дать ему другое имя — немецкое, поднять на мачте свой флаг — фашистский, со свастикой — и воевать на нашем корабле против нашей страны.



К флагу бросился рулевой Константин Семёнов. Он был ранен. Ему было больно. Но он забрался на мачту и прикрепил флаг на прежнее место. Снова на «Туман» обрушился град снарядов. Осколки летели так густо, что шнур снова перебило. У Семёнова не было сил связать концы. Ухватившись за мачту, он прижал шнур к груди, и флаг опять развевался над кораблём.

Умолкла носовая пушка «Тумана». Теперь у наших моряков осталось единственное оружие — советский военно-морской флаг. Пока он вьётся над сторожевиком, сопротивление врагу продолжается!

Рулевой Семёнов терял сознание. Флаг должен был снова упасть. К мачте бросился другой Константин — радист Блинов. Он закрепил флаг на мачте.

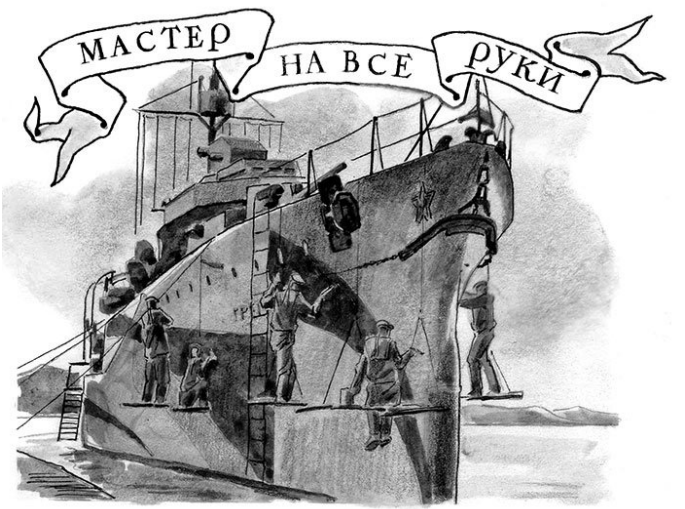
Одиннадцать вражеских снарядов попало в «Туман». Сквозь пробоины в корпусе хлестала вода. Накренившись на правый борт, корабль погружался в воду. Моряки спустили уцелевшую шлюпку. На их глазах «Туман» под своим флагом — не сдавшийся! — ушёл в пучину Баренцева моря.

Сторожевик исполнил свой долг. По эсминцам ударила наша дальнобойная береговая батарея.

Вражеские корабли поставили дымовую завесу, под её прикрытием начали уходить восвояси. Уже во вражеских водах их догнали и успешно бомбили наши самолёты.

«Туман» погиб 10 августа 1941 года. Много лет прошло с того времени. И каждый год в десятый августовский день североморцы на месте гибели сторожевика, объявленном «координатами боевой славы», — 69-й градус северной широты, 33-й градус восточной долготы, — торжественно опускают на воду венок. В память о героическом корабле и погибших в бою моряках все проходящие мимо этой точки корабли приспускают флаги.

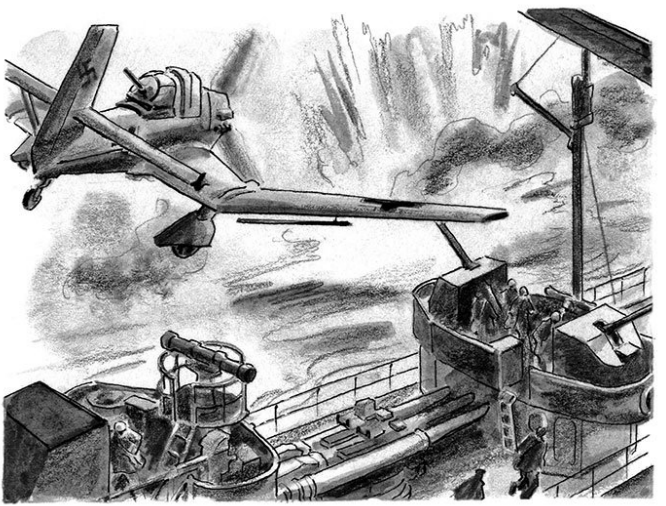
Мастер на все руки



Есть люди, о которых говорят: «Мастер на все руки». Такой человек любое дело знает и делает хорошо. Мастером на все руки, можно сказать, был наш эсминец «Гремящий». Он умел бить фашистов на воде, под водой и в воз духе.

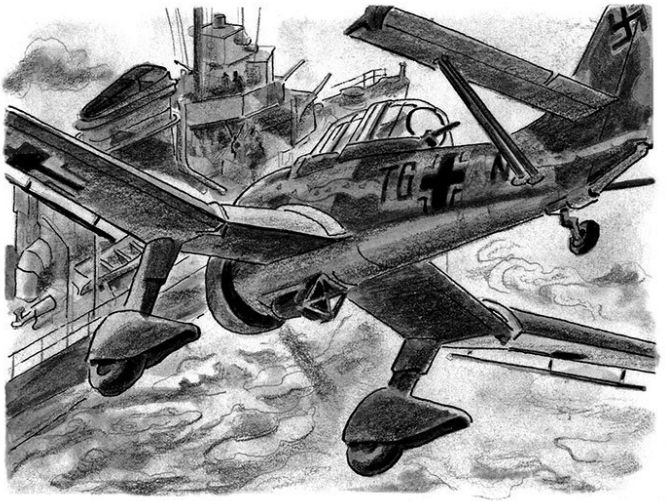
Однажды «Гремящий» вместе с «Сокрушительным» шёл в конвое, направлявшемся в Мурманск.

(Конвой — это вереница транспортов, тихоходных грузовых судов, и кораблей охраны.) Было лето, стоял полярный день. Однако небо затягивалось тучами. Тучи сгустились. Посыпался снег. В белой пелене не было видно даже ближних судов. В это время и появился эсминец фашистов.



Наши сигнальщики первыми заметили врага. «Гремящий» и «Сокрушительный» громыхнули из своих орудий. У вражеского корабля, как потом выяснилось, было разбито машинное отделение. Только снег, полетевший ещё гуще, спас фашистов от гибели. Снежная мгла скрыла их. А искать повреждённый корабль, чтобы добить, наши эсминцы не могли. Им нельзя было отходить от охраняемых судов: поблизости рыскали другие корабли фашистов.

«Гремящий» и «Сокрушительный» повели транспорты севернее, во льды. Там было спокойнее: фашисты побаивались плавать во льдах.



Оторвавшись от противника, наши суда снова вышли на чистую воду и двинулись к Кольскому заливу. Передние транспорты уже входили в залив. И казалось, все опасности остались позади. Но уставшие от долгой вахты моряки «Гремящего» по-прежнему зорко следили за морем.

Эсминец шёл за концевым транспортом, охранял его, поморскому — прикрывал от возможного нападения. Транспорт был огромный. В нём уместилось десять железнодорожных составов военного имущества.

Как хорошо, что моряки эсминца во все глаза оглядывали море! Вблизи «Гремящего» рас сы́палась волна. На поверхности образовалась водяная яма. В сером сумраке той ямы мелькнула рубка фашистской подводной лодки. Лодка выходила в торпедную атаку. Сейчас она выпустит торпеды и взорвёт транспорт…

Со всей возможной быстротой, поморскому — самым полным ходом, «Гремящий» рванулся вперёд, чтобы таранить врага. Но корабль не проломил лодку, а только проскрежетал днищем по обшивке. Вот как получилось: одна волна открыла лодку, а другая спасла её от таранного удара.

Транспорт, дымя всеми трубами, невредимый шёл к причалам Мурманска. Фашистская лодка не успела выпустить торпеды. И это уже было прекрасной победой «Гремящего». А на эсминце пока не радовались: все были заняты боевой работой. В то место, куда погрузилась лодка, сбрасывали глубинные бомбы. Двадцать взрывов вспучили море. А после двадцать первого на поверхность

всплыло большое пятно соляра. Соляр — жидкое топливо лодочных двигателей. Он легче воды, вот и всплыл из разбитой лодки как известие о том, что фашистская лодка отвоевалась.

«Гремящий» хорошо расправлялся и с воздушным врагом, отважно защищал от бомбардировщиков транспорты и мурманский порт.

В один из налётов эсминец стоял в порту рядом с большим судном — плавучей мастерской. Бомбардировщики летели двумя стаями. Одна направлялась бомбить городские дома, другая — суда, причалы и склады порта. «Гремящий» открыл огонь по второй. Уклоняясь от снарядов корабельных зениток, самолёты рассы́пали строй. Они сбрасывали бомбы беспорядочно, не целясь. Но один по-прежнему шёл на эсминец и плавучую мастерскую. Фашистский лётчик намеревался разбомбить судно и корабль разом. Наконец снаряд с «Гремящего» поджёг врага. Однако фашист из боя не вышел — видимо, решился таранить эсминец горящим само лётом.

Была единственная возможность спасти корабль и спастись самим — за считаные секунды влепить снаряд прямо в лоб самолёту, сбить его таким способом с курса, с направления. Можно только восхититься мужеством корабельных

артиллеристов. Комендоры орудия правого борта прицелились точно, выстрелили быстро. Объятый пламенем, ревущий бомбардировщик получил снаряд прямо в лоб.

Падая в залив, самолёт пронёсся над «Гремящим», и летчик всё же успел сбросить бомбу. Бомба весом в полтонны взорвалась вблизи корабля. Волна ила и грязи, поднятая со дна мощным взрывом, ударила в эсминец. Она прокатилась по палубе, сшибла с ног и разметала по палубе комендоров. Но через минуту все были на своих местах и снова стреляли по вражеским самолётам.

При защите Мурманска был у «Гремящего» случай, который никогда не забудут очевидцы. Зенитчики корабля подожгли «юнкерс». В воздухе он взорвался, его обломки ударили в самолёт, летевший рядом. Второй «юнкерс» тоже загорелся и врезался в землю.

За войну зенитчики эсминца сбили четырнадцать и подбили двадцать три самолёта.

Да, мастером на все руки был «Гремящий»! Он побеждал врага на воде, под водой, в воздухе. Вернее-то сказать, мастерами на все руки были моряки эсминца во главе со своим командиром, капитан-лейтенантом Борисом Николаевым.

Они, бесстрашные и умелые, удостоились высокой чести: в 1943 году корабль получил гвардейский военно-морской флаг. Две с половиной сотни моряков эсминца сменили тогда на бескозырках обычные ленты на ленты гвардейские — с золотыми полосками.

Грозная «Малютка»



В Заполярье мало дорог. И фашисты возили своим сухопутным войскам оружие и продовольствие по морю. В обратный путь транспорты врага тоже шли с грузом. Они увозили норвежскую никелевую руду и финскую целлюлозу. Никель — это металл, без которого не сделать хороших танков и пушек. А целлюлоза — вещество,

без которого не сделать пороха.

На охоту за транспортами фашистов вышли наши подводные лодки. Сложной, опасной была охота за вражескими судами. Их охраняли эсминцы, миноносцы, сторожевые корабли, катера, самолёты. Разгружались и загружались транспорты во фьордах Норвегии и Финляндии.

Фьорд — очень узкий, очень длинный, извилистый залив. Берега его — высокие скалы. Вход во фьорд сторожат пушки. В воде скрыты мины. Только сам враг знает, где найти фарватер — безопасную дорогу. И всё же наши подводные лодки топили врага даже во фьордах.

У нашего флота были разные подводные лодки. Самые большие — крейсерские, потом — средние, потом самые маленькие — «малютки». Осенью 1941 года, таясь от вражеских наблюдателей, «малютка» М-171 прокралась во фьорд. С помощью приборов подводники прослушивали море, не шумят ли в нём винты вражеских кораблей. Шумов не было. Враг не догадывался, какая гостья в его владениях.

В порту у причалов стояли два немецких транспорта. «Малютка» выпустила в них торпеды. Тут же она ушла глубже в воду и двинулась в обратный путь. Моряки ждали: вот-вот начнут рядом

с лодкой взрываться глубинные бомбы. Но никто за «малюткой» не гнался, никто её не искал. Будто фашисты не слышали, как громыхнули торпеды, будто не видели, как тонут суда. Это было загадочно и тревожно.

В самом узком месте фьорда (поморскому — в узкости) лодка вдруг остановилась. Моторы работали хорошо, все механизмы были исправны, но «малютка» не двигалась. И моряки поняли: лодка попала в противолодочную сеть. Как ловят рыбу нитяной сетью, так фашисты поймали нашу лодку сетью металлической.

Дали задний ход — лодка ни с места. Нос её прошёл в ячею, а середина — она шире носовой части — застряла меж стальных прутьев. Подводники знали, что нужно делать в таком случае. Нужно раскачивать лодку. То как бы всплывать, то как бы погружаться. Чтобы лодка всплыла, чтобы стала легче, из её средней цистерны сжатым воздухом вытесняют воду. А чтобы лодка погрузилась, чтобы стала тяжелее, вытесняют, наоборот, водой воздух.

И вот когда вода вливается в цистерну, на поверхность моря поднимается воздушный пузырь. Очень большой, величиной с деревенский дом. Бросай в пузырь глубинную бомбу — попадёшь

точно в лодку. Это наши подводники тоже знали. Однако другого выхода у них не было. И они начали раскачивать свою «малютку».

Как только воздушный пузырь вышел к поверхности, вражеский сторожевой корабль сбросил по обеим сторонам от лодки две глубинные бомбы. А больше взрывов не было. Фашисты уже считали лодку своей добычей и не хотели уничтожать: скоро она израсходует воздух, кончатся у неё запасы электричества в аккумуляторах, и М-171 сдастся в плен.

А «малютка» между тем старалась выбраться из сети. Она опустилась на предельную глубину и попыталась поднырнуть под сеть. Попытка окончилась неудачей: сеть была и на большой глубине. Лодка снова уперлась в неё и остановилась. Фашисты почувствовали строптивость лодки. Стали снова бросать глубинные бомбы. Не часто бросали, но через равные промежутки времени. Как бы говорили нашим подводникам: «Кончайте бесполезное сопротивление. Всплывайте!»

Командир подводной лодки, старший лейтенант Стариков, сам понимал: рано или поздно всплывать придётся. Уже не хватает воздуха в отсеках, морякам всё труднее дышать…

Итак, офицеры и матросы получат гранаты. Лодка всплывёт. Они выскочат на палубу, будут бить врага гранатами. Комендоры побегут к орудию — на «малютке» есть небольшая пушка. Самое ответственное дело поручат инженер-лейтенанту Смычкову. Если не удастся отбиться от фашистов, он бросит гранату в артиллерийский погреб: там лежат снаряды. Взрывом своих снарядов лодка будет уничтожена. Она не достанется врагам…

Мужественный командир пока не даёт команду на всплытие. Есть крохотная надежда все же преодолеть заграждение. Судя по времени, уже начался морской прилив. Вода во фьорде поднимется. «Малютка» попытается пройти над сетью. Если, конечно, фашисты не поднимут сеть ещё выше.

Самым малым ходом на самой маленькой глубине М-171 двинулась вперёд. И тут все услышали шорохи под днищем. Лодка ползла над верхним тросом сети, чуть касаясь его. А в фьорде было тихо. Фашисты не замечали, как уходит верная добыча.

Они вскоре спохватились. Погнались за лодкой. Частые взрывы глубинных бомб сотрясали море. Хотя взрывы были опасны, моряки «малютки»

считали себя самыми счастливыми на всём свете. Они в просторном море! Это не узкий фьорд, перегороженный сетью. Тут можно воевать на равных.

«Малютка» ушла от преследователей. У своего берега, там, где стояли наши артиллерийские батареи, она всплыла. Свежий воздух хлынул в отсеки. Моряки дышали им и не могли надышаться. Под водой-то лодка была почти сутки! Под защитой своих, советских орудий подводники зарядили аккумуляторы. А потом по шли домой — в порт Полярный, что недалеко от Мурманска.

За многие подвиги на море подводная лодка М-171 удостоилась гвардейского звания. А её командир, Валентин Георгиевич Стариков, стал Героем Советского Союза.

Морской лётчик



Самая тяжёлая изо всех бед, какие только бывают у людей, — это война. Враг разрушает дома, сжигает хлебные поля. И нет у него жалости ни к детям, ни к старикам. Он старается испугать людей: «Вот какой я жестокий! Я всё могу. Могу и помиловать, если покоритесь».

Человек трусливый покоряется. Жизнь труса становится хуже собачьей. А человек храбрый

сражается с врагом. В бою он может погибнуть, может не дожить до победы. Но храбрый человек не за себя одного воюет. Он воюет за счастливую жизнь всего народа и потому не страшится гибели. И вот ведь как получается: порою храбрый воин остаётся живым в самых гибельных испытаниях. Недаром говорят: «Смелого пуля боится!»

Морской лётчик — командир эскадрильи Сергей Курзенков возвращался на свой аэродром. Над территорией, занятой противником, его обстреляли зенитки. Самолёт загорелся. Была ночь. В тёмном небе истребитель казался летящим факелом. Осколки снарядов задели и самого лётчика. Он потерял много крови, ослабел, однако был уверен, что дотянет до аэродрома.

Их было два брата Курзенковых, два морских лётчика. Александр воевал на Балтийском море, Сергей — в Заполярье. Земляки братьев, жители подмосковного города Наро-Фоминска, собрали деньги на постройку истребителей и подарили каждому по самолёту. Курзенковы, сражаясь за себя, за своих родных, сражались за родной город и за всю Родину. Фашистов били так хорошо, что оба стали Героями Советского Союза. К той ночи, о которой пойдёт рассказ, Сергей Курзенков уже двести раз вылетал на боевые задания и сбил две-

надцать вражеских самолётов. Боевые вылеты и победы над лётчиками фашистской Германии дались ему непросто. Он был ранен четыре раза. В госпиталях, однако, не залёживался. Его умение летать и вести воздушный бой были очень нужны на фронте.

Вот и теперь он рассчитывал на скорое возвращение в строй, на продолжение боевой службы в родном полку. До аэродрома было уже недалеко. Курзенков по радио попросил включить на посадочной полосе прожекторы. «Поняли! — ответили ему. — Ждём».

И в эту самую минуту взорвались бензобаки. Истребитель окутался жарким пламенем. В середине огненного вихря был самолёт, в середине самолёта — человек.

Курзенков предполагал, что огонь может добраться до бензобаков, и мгновенно отстегнул привязные ремни, чтобы выброситься с парашютом. Но он не смог выбраться из кабины: на это не хватило сил.

«Сгораю…» — подумал лётчик.

Если бы на его месте оказался человек со слабой волей, он бы погиб. Страх сковал бы ему и без того бессильные руки. И мысль сковал бы. Курзенкову тоже было страшно. Однако воля его была

крепкая, и он ясно представлял, что ещё можно сделать для спасения. Он резко отклонил ручку управления к борту. Самолёт, всё ещё послушный рулям, перевернулся вверх шасси. Лётчик теперь сидел в истребителе вниз головой. Сейчас нужно было толкнуть ручку от себя. И он толкнул ее. Силой инерции Курзенкова вырвало из кабины.

Всё это происходило на высоте трёх километров. Большая высота позволяла открывать парашют не сразу. И лётчик не беспокоился, что его могут настичь и ударить обломки самолёта. В падении он спокойно отсчитывал секунды. Числом секунд определял расстояние, оставшееся до земли. Занятый таким важным делом, лётчик ни о чём другом не думал. И разумеется, не предполагал, что, уцелев от осколков, попавших в самолёт и в него самого, избежав пламени, охватившего истребитель, он в третий раз окажется на краю гибели. И очень скоро.

Отсчитав примерно сорок секунд и пролетев в свободном падении два километра, Сергей Курзенков открыл парашют. Воздух ударил в широкий купол. Лётчика тряхнуло так сильно, что с ног соскочили унты — меховые сапоги, а с левой руки — рукавица. Вспоминая о том, что про изошло дальше, сам лётчик говорил: «Непереда-

ваемый ужас заставил меня сжаться в комок». Купол парашюта оторвался и остался в ночном небе подобием крохотного облачка: лямки парашюта были иссечены осколками зенитных снарядов и не выдержали рывка. Лётчик падал на землю. До земли оставался ещё километр.

Он не погиб, не разбился насмерть. Он попал на крутой склон сопки, покрытый глубоким снегом. Потеряв от удара сознание, скатился по снегу от вершины к подножию…

Через несколько часов сознание вернулось к человеку, которого так сурово испытывала судьба. И когда он понял, что живой, ему, раненному и разбитому, захотелось жить и жить. Но он не мог двигаться после такого падения. И четвёртая гибель — от лютой стужи — начала грозить ему.

Курзенков не впал в отчаяние. Неподвижный, он продолжал борьбу за себя. Единственное, что он мог ещё, — это слушать. Только при великом желании жить можно было услышать далёкий-далёкий скрип чьих-то шагов по снегу. Лётчик услышал этот звук трущихся снежинок. Он вытащил пистолет и начал стрелять в воздух.

Солдат Александр Рябов пришёл на выстрелы. Своим полушубком он закутал ноги лётчика. Шарфом обмотал руку, ту, что была без рукавицы.

Оставшись сам в одной гимнастёрке, побежал по лютому морозу за помощью.

После сложнейших операций, оправившись от пятой раны, лётчик Сергей Георгиевич Курзенков вернулся в полк, к своим боевым товарищам. Впоследствии он стал командиром этого известного всему Заполярью истребительного полка. В том полку, к слову сказать, служил и морской лётчик Борис Феоктистович Сафонов, сбивший лично тридцать фашистских самолётов и первым удостоенный звания Героя Советского Союза дважды. Там же, в послевоенное время, проходил службу морской лётчик Юрий Алексеевич Гагарин, ставший первым в мире космическим лётчиком.

Атакуют торпедные катера



Был июль 1944 года. Советский самолёт-разведчик обнаружил у берегов Норвегии небольшой конвой противника. Двигался конвой на восток, в один из фьордов, где у фашистов был порт и склады. По пути к конвою присоединялись новые транспорты. Прибавлялись и корабли, охранявшие их, поморскому — корабли охранения.

Хорошая, ясная погода сменилась ненастьем. На воду опустился густой туман. Наша воздушная

разведка потеряла противника из виду. То ли он продолжает движение, то ли остановился где-то? В том районе моря охотилась за фашистскими судами подводная лодка С-56. Она и обнаружила пропавшего было врага. В конвое шло уже шесть транспортов, а охраняли их три миноносца, три сторожевых корабля, шесть тральщиков и пятнадцать сторожевых катеров. Верно, транспорты везли что-то очень ценное, если было столько сторожей. Храбрые подводники искусно подкрались к конвою и выпустили торпеды в миноносец. Удар был точный. Миноносец взорвался, потонул. А командир С-56, прежде чем лодка ушла на глубину, по радио сообщил командованию и состав конвоя, и место, где он находится.

Если была бы хорошая погода, за транспорты и корабли фашистов взялась бы наша авиация. Самолёты-штурмовики, самолёты-торпедоносцы и пикирующие бомбардировщики грозно расправлялись с врагом на море. Но погода была нелётная. И командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головко поручил эту боевую задачу отряду торпедных катеров.

У фашистов двенадцать боевых кораблей и пятнадцать сторожевых катеров. Да и на транспортах стоят пушки и пулемёты. Сколько же

должно быть наших, чтобы одержать победу над таким сильным врагом? Атаковать конвой будут восемь советских кораблико в. Столько готово в этот час к бою. Но и восемь, если воюют отважные, умелые моряки, — сила грозная.

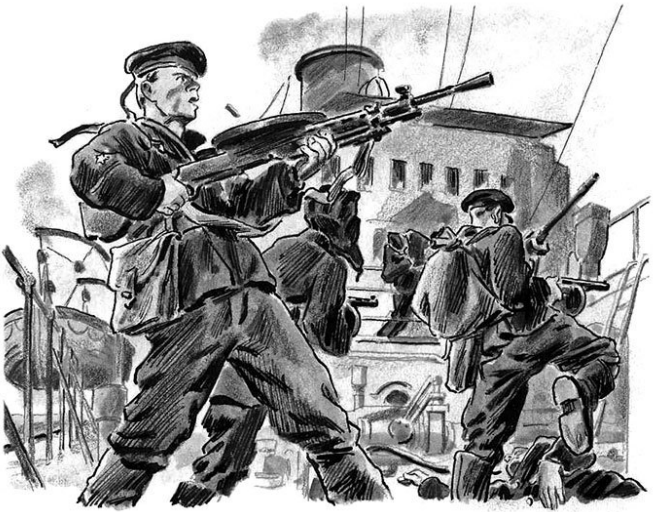
У торпедного катера большая скорость. Он словно летит по морю. В пенном буруне его почти не видно. Носом он целится в корабль врага, а значит, целится и торпедами. Торпеды лежат в двух аппаратах по бортам. Как вылетят торпеды из аппаратов и пойдут своим ходом в цель, катер развернётся и зажжёт дымовые шашки. Скрытый дымовой завесой, выйдет из боя. Это, конечно, упрощённое описание тактики, то есть боевой работы торпедных катеров. В бою всё бывает сложнее, труднее, опаснее.

В кильватерной колонне, гуськом, один за другим, восемь торпедных катеров спешили на перехват конвоя. Шли вдоль вражеского берега. Погода начала меняться. Катера то рассекали полосы сизого тумана, то мчались под ясным небом.

Наблюдательные посты фашистов с высоких сопок заметили наш отряд. Береговые орудия начали стрельбу. Тогда один из катеров, увеличив скорость, понёсся между берегом и колонной. За

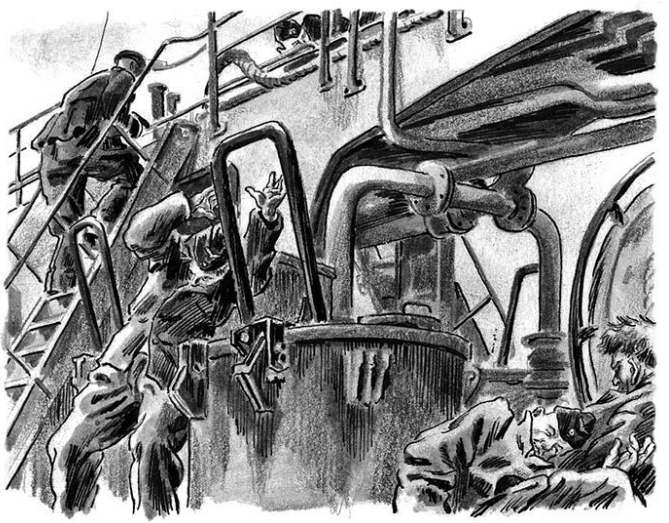
собой он оставлял полосу густого дыма. Стрельба прекратилась: артиллеристы уже не видели катеров. Это было хорошо для наших. Но плохо было то, что наблюдатели предупредили фашистов на кораблях: «Идут советские катера!» Внезапной атаки не получилось.

Как только катера вышли из-под обстрела, так увидели конвой. Транспорты, окружённые кораблями и катерами, направлялись во фьорд. Командиру отряда капитану третьего ранга Владимиру Николаевичу Алексееву надо было в считаные минуты решить, какие транспорты и какие корабли атаковать. У фашистов их в общей сложности тридцать два! Выбранные цели надо распределить между своими катерами. Одни будут пускать торпеды в транспорты, другие — в охрану. По радио катерам отдан боевой приказ.



И катера пошли — на самой большой скорости. Кораблики бросались из стороны в сторону, беспрерывно ставили дымовые завесы. Этим они спасали себя от прицельного огня противника, не позволяли врагу целиться точно. И всё равно вода вокруг катеров кипела от разрывов, воздух

был наполнен грохотом, гулом, свистом. Осколки градом стучали по защитным броневым плитам. Около десяти минут — под таким огнём! — катера сближались с конвоем. Командиры катеров с железным мужеством рассчитывали, как лучше атаковать свою цель. Промахнуться нельзя: у катера всего две торпеды.



Флагманский катер, тот, на котором находился командир отряда, закрылся дымом от немецких сторожевиков и приблизился к большому транспорту. Гитлеровцы с высокого борта бьют из пулемётов и пушек. Снаряды взрываются у са́мой кормы. Погиб радист катера, ранен помощник командира. Но вот фашисты побежали от своих пушек, попрыгали в воду. Они увидели, что в середину их транспорта идут две торпеды. После грозного, оглушительного взрыва судно окуталось паром и дымом, затем разломилось надвое, и обе части пошли на дно.

Два миноносца охраняли самое ценное судно. Они встретили катера ураганным огнём. Наш катер поставил дымовую завесу, ушёл за неё и, тут же выскочив из дыма, выпустил в миноносец две торпеды. Другой катер торпедировал второй миноносец. А третий, пока враги были в замешательстве, потопил транспорт. В стороне от этой схватки погружался в море торпедированный сторожевой корабль.

Катеру лейтенанта Юрченко первая атака не удалась. Он выпустил торпеду в танкер, который шёл с горючим в конце колонны, но не попал. Вражеских кораблей было много, а для борьбы с ними оставалась лишь одна торпеда. Это было

досадно командиру, умевшему стрелять метко. Двумя неделями раньше катер Юрченко потопил большой немецкий транспорт — ударил ему точно в середину. И теперь лейтенант, сохраняя торпеду для другой цели, решился взять танкер на абордаж — высадить на его палубу своих моряков. Пулемёты катера стреляли по фашистам, суетившимся на палубе. Круто развернувшись, катер остановился у борта вражеского судна. Гранатами, автоматными очередями наши моряки согнали противника в воду. Тут же перескочили на танкер, заложили в машинном отделении подрывные патроны, подожгли шнур. Катер поспешно отошёл от обречённого танкера. Грянул взрыв, за ним — второй, с гулом и пламенем. В нём исчезли и танкер, и горючее, так нужное войскам фашистов.

Воздух над морем, где шёл бой, был исполосован дымами. Дымовые завесы, во множестве поставленные, сливались, разрывались, перемешивались. Они разъединили корабли. И трудно было понять, где свои, где чужие. В густой мгле противники чуть ли не сталкивались, обменявшись пулемётными очередями, ныряли во мрак. На катер Юрченко почти наскочил сторожевой корабль фашистов. Наш кораблик увернулся от

столкновения, вражеские снаряды, посланные в катер, пролетели мимо. А торпеда, пущенная катером, на этот раз настигла свою цель. Удар был точный — сторожевик взорвался. Две победы!

Но вот взрывом снаряда разворотило корму нашего катера. В пролом хлынула вода. И тут выскочили из дымовой тучи четыре сторожевых катера противника. «Расстреливают в упор! — передал лейтенант последнее донесение по радио. — Прощайте...»

С начала боя, с того момента, когда восемь торпедных катеров сблизились с конвоем, прошло чуть больше двадцати минут. Все торпеды были израсходованы. Потопив три транспорта, грузовое судно и три корабля охранения, наши катера уходили домой. Шли только семь. Командующий флотом на своём командном пункте и товарищи на катерах — все слышали донесения Юрченко по радио: о потоплении сторожевика, о подрыве танкера. И прощальные слова слышали. Всем было жалко храбрых моряков. Печалясь о погибших товарищах, североморцы утешались тем, что за один наш маленький катер враг заплатил семью своими большими судами и кораблями.

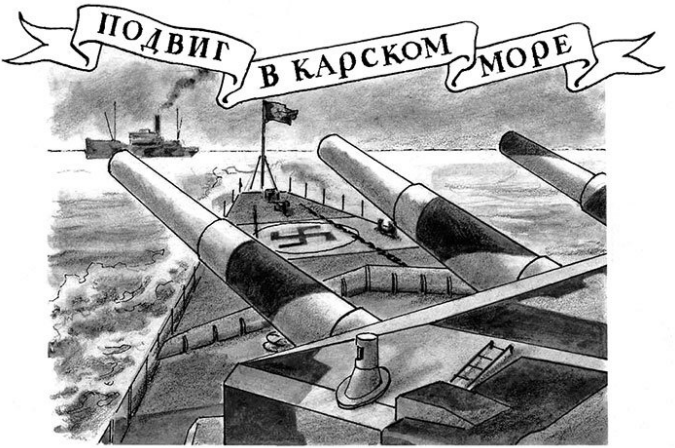
Однако рассказ об атаке торпедных катеров на этом не кончается. Шло время. Беспрерывный

северный день сменился беспрерывной ночью. Боевые действия в Заполярье стихли. И тогда североморцы узнали: лейтенант Юрченко, которого считали погибшим, жив!

Было вот как. Сторожевые катера противника после боя подбирали на воде своих моряков. Выловили они и раненого советского лейтенанта. Юрченко попал в плен. Фашисты отправляли пленных в концентрационные лагеря. В концлагере на территории Норвегии оказался и наш командир. Когда зажила рана, Юрченко начал готовиться к побегу. Он подружился с норвежцем, тоже узником фашистов. Вдвоём они и бежали от эсэсовской охраны. Долго пробирались через леса и горы в соседнюю страну — Швецию. В Швеции фашистов не было. Перейдя границу, друзья уже были вне опасности. Шведы помогли нашему моряку добраться до советского посольства. А посольские работники отправили Юрченко на родину.

Можно представить, как радостно встретились боевые товарищи! Тогда же командующий Северным флотом адмирал Головко вручил лейтенанту Виталию Демидовичу Юрченко — за участие в разгроме вражеского конвоя — орден Красного Знамени.

Подвиг в Карском море



Жил в XIX веке в России человек, по имени и отчеству Александр Михайлович, по фамилии Сибиряков. Был богат, владел золотыми приисками. Но над золотом не дрожал, доходы тратил на дело, нужное всей державе, — на изучение и освоение Сибири. Во времена Сибирякова в Сибири не было железных дорог. И поэтому Александр Михайлович прилагал старания, чтобы наладить дорогу

морскую — вдоль северных берегов России. На свои средства он снарядил две экспедиции. И одна из них (на зверобойной шхуне «Вега») впервые благополучно прошла из моря Баренцева через Карское, море Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское — в Берингово море. Произошло это в 1878–1879 годах. В знак заслуг Сибирякова участники экспедиции назвали тогда его именем большой остров в Карском море.

«Вега» доказала, что Северный морской путь есть. Однако она преодолела его за две навигации, за два лета: шхуне пришлось зимовать во льдах. Первым за одну навигацию через полвека, в 1932 году, прошёл северными морями советский ледокольный пароход. И назывался он «Александр Сибиряков».

Ровно через десять лет после своего открытия Северного морского пути сибиряковцы совершили новый подвиг. Был август 1942 года. В ту пору на суше гремела Сталинградская битва. В грозной схватке решался исход войны: кто победит у стен волжского города, тот победит во всей войне. А в далёком от линии фронта Карском море бой с фашистами приняли несколько сот наших полярников.

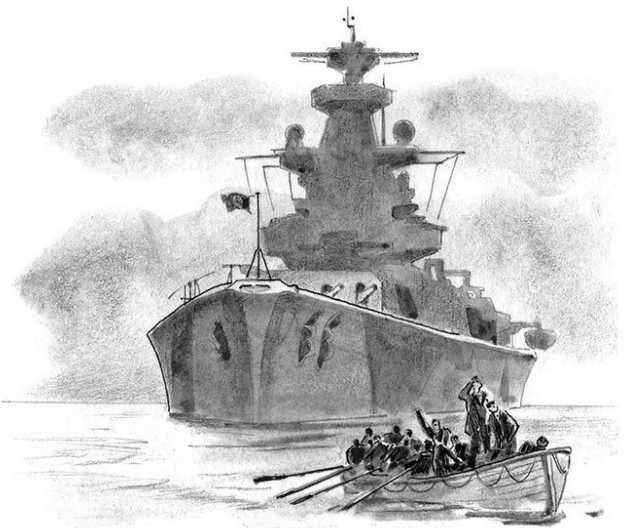
В августе Северный морской путь наиболее удо-

бен для навигации. Хотя льдины и целые ледяные поля не тают и остаются в воде, но между ними бывают разводья, по которым суда и движутся. Помогают капитанам наблюдатели полярных станций и лётчики. Транспорты идут не по одиночке, а караванами. Впереди — ледоколы.

Вражеская разведка узнала, что по Северному морскому пути, Карским морем, в августе пройдут наши большие караваны встречными курсами. Один — на восток с грузами для полярников, другой — от Дальнего Востока до Архангельска с военными и промышленными грузами. Всего девятнадцать судов и четыре ледокола. А каждый транспорт заменяет несколько железнодорожных составов. На охоту за таким богатством и вышел из базы в норвежском фьорде тяжёлый крейсер фашистов «Адмирал Шеер» — корабль в четверть километра длиной, с прочной бронёй, вооружённый двадцатью шестью орудиями и восемью аппаратами для пуска торпед. Ему предстояло потопить транспорты и ледоколы, а затем разрушить советские порты на Диксоне, в А́мдерме и Нарья́н-Маре, чтобы прервать столь важную для нас морскую дорогу. Предвкушая успех операции, фашисты назвали её «Вундерланд» — «Страна чудес».

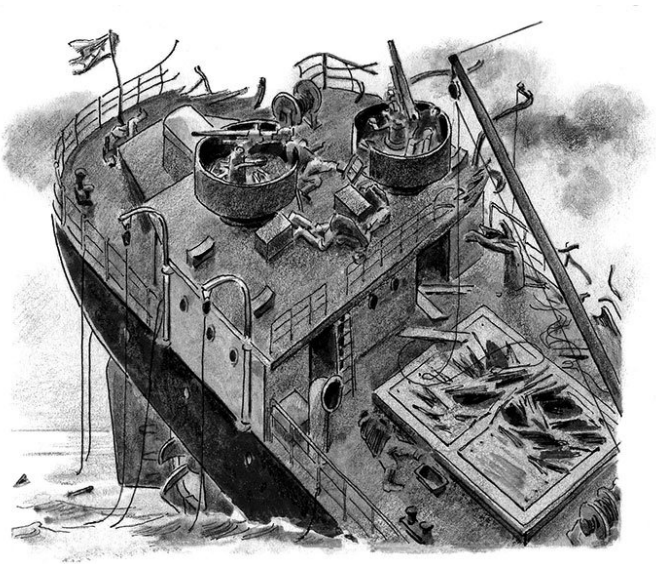
Выход в море крейсера «Адмирал Шеер», его движение в восточном направлении обнаружила английская разведка и предупредила наше командование. Советские лётчики и моряки усилили наблюдение в восточной части Баренцева моря. Но крейсер, как невидимка, прошёл опасную для себя зону: в те дни там стояли густые туманы.

Успех операции фашистов целиком зависел от внезапного появления их на пути наших караванов. Командир крейсера решил топить транспорты и ледоколы, когда они из моря Лаптевых будут входить в Карское море. На крейсере был разведывательный самолёт. Он отыскивал для корабля свободную воду и разводья во льдах. Однако в густом тумане при посадке на воду потерпел аварию. Немцы остались без «глаз» в суровом незнакомом море. И если раньше они избегали встреч с одиночными судами, то теперь стали искать. Захватив советское судно, они рассчитывали получить сведения о состоянии льдов и маршрутах караванов.



Ледокольный пароход «Александр Сибиряков» шёл с Диксона на Северную Землю с грузом и зимовщиками для новой полярной станции. 25 августа море было спокойное, видимость хоро-

шая, небольшие льдины плавали лишь кое-где. В полдень вахтенный увидел на горизонте тяжёлый крейсер. Пытаясь обмануть наших моряков, фашисты подняли американский флаг. Командир «Сибирякова», старший лейтенант Анатолий Алексеевич Качарава, передал по радио на Диксон донесение о встрече с иностранным кораблём. А с крейсера сигналили: «Сообщите состояние льдов в проливе! Сообщите, где находится караван транспортов и ледокол! Сообщите своё название и путь следования!»



Не осталось сомнения в том, что это вражеский корабль. На «Сибирякове» была объявлена боевая тревога. Радист, несмотря на помехи фашистов, успел передать на Диксон сообщение о вражеском крейсере. Шифровальщик в это же время

сжигал шифры и сводки ледовых донесений. «Сибиряков» полным ходом пошёл на мелководье, к острову Белуха, до него было пятнадцать миль[29].

Крейсер поднял фашистский флаг и быстро приближался. Немцы дали предупредительный выстрел и потребовали спустить флаг и сдаться. Тогда комендоры младшего лейтенанта Семёна Никифоренко начали стрельбу из двух небольших пушек — против двадцати шести орудий противника.

Бой был недолгий. Снаряды крейсера разворотили корму парохода, побили людей и орудия. Новый залп угодил в носовую часть, в бочки с бензином. Начался пожар. Вскоре снаряд попал в машинное отделение — страшный взрыв потряс судно. Под градом шрапнели[30] моряки спустили на воду полуразрушенную шлюпку, перенесли в неё тяжело раненного капитана, других раненых. Старший механик Николай Григорьевич Бочурко

---

[29] Примечания: 29

Ми́ля — единица длины, применяющаяся в морском деле, равная 1,852 км.

[30] Примечания: 30

Шрапне́ль — артиллерийский снаряд, начинённый пулями.

открыл кингстоны[31] — вода хлынула внутрь парохода.

Катер, посланный крейсером, нагнал шлюпку. Шестнадцать полярников попали в плен. Они держались перед врагами достойно. Немцы ничего не узнали от них на допросах.

Можно сказать, что в те короткие часы операция «Вундерланд» провалилась. После радиограммы «Сибирякова» караваны и одиночные суда ушли во льды, укрылись там. Немцы поняли: из Карского моря им нужно уходить. Единственное, что они могли ещё сделать, — это напасть на полярную базу нашего флота. Крейсер пошёл к Диксону.

Диксон — главный порт Карского моря, остров у входа в Енисейский залив. От материка он совсем недалеко. Когда начали осваивать Северный морской путь, на Диксоне построили мощную радиостанцию. А на материковом берегу оборудовали причалы для судов. Стоянка для судов была устроена и в бухте самого острова. Получилась удобная полярная база, одинаково важная для судов, идущих и на восток и на запад, а также по Енисею — из Красноярска и в Красноярск.

---

[31] Примечания: 31

Кингсто́н — клапан, закрывающий отверстие в подводной части судна для приёма или удаления воды.

Теперь на Диксоне готовились к обороне: «Адмирал Шеер» не замедлит с визитом. Суда, стоявшие в порту, увели в Енисей. Детей и женщин укрыли на материке в охотничьей избушке. Надёжно спрятали секретные документы. Из работников радиоцентра и порта создали два вооружённых отряда. Приготовили к бою сторожевой корабль «Дежнёв» и небольшой гарнизон, имевший пушку крупного калибра.

Ночью 27 августа «Адмирал Шеер» подошёл к Диксону. Командир решил высадить на остров десант — две сотни автоматчиков. Но сначала крейсер остановился в проливе, которым остров на юге отделён от материка, и открыл огонь по «Дежнёву». Тот тоже начал стрельбу. Его орудия не могли причинить крейсеру большого вреда, но меткость и частота выстрелов осложнили действия врага. Немцам пришлось сосредоточить внимание на сторожевике. «Дежнёв» получил пробоины ниже ватерлинии[32] — в них хлынула вода. Не переставая вести огонь из уцелевших орудий, закрываясь дымовой завесой, корабль пошёл к берегу и приткнулся на мели. Несколько человек его экипажа были убиты, около тридцати

[32] Примечания: 32

Ватерли́ния — линия вдоль борта судна, до которой судно может погружаться в воду.

ранены. Одновременно с «Дежнёвым» по противнику с причала стреляла небольшая батарея 152-миллиметровых орудий. Два снаряда угодили в крейсер, у него на корме начался пожар.

И враги испугались: в случае серьёзного повреждения «Адмирал Шеер» не выберется из Карского моря. Крейсер вышел из-под обстрела. Обогнув остров со стороны моря, он начал стрелять по электростанции, радиоантеннам и складам топлива. Взрывом перебило нефтепровод, по которому топливо подавалось на радиостанцию. У разорванной трубы нефть загорелась. Один из полярников догадался до отказа открыть вентиль — огонь усилился, весь остров заволокло чёрным дымом. В это время артиллеристы по пали в крейсер ещё одним снарядом. Третьего попадания фашисты не выдержали. Отказавшись от высадки десанта, «Адмирал Шеер» ушёл. Было 10 утра 27 августа.

Через два дня зимовщики погасили пожар, через четыре — восстановили радиостанцию. Три дня ушло на откачку воды и ремонт сторожевого корабля. Трудная работа в Арктике продолжалась. Северный морской путь был по-прежнему открыт для советских судов.

В память о подвиге экипажа «Сибирякова» уже

именем ледокола названы бухта в Арктике и гора в Антарктиде. Не забыты и погибшие моряки сторожевого корабля «Дежнёв». Около острова Диксон, как его вечная стража, возвышаются над волнами шесть небольших островков с их именами. Имя капитана Качаравы получило торговое судно, а сам он стал со временем начальником пароходства. Но до конца войны вместе с пятнадцатью сибиряковцами был узником концлагеря, пока их не освободили советские солдаты.

Однако подробности гибели ледокола стали известны уже через месяц. Их рассказал кочегар Павел Иванович Вавилов. Он был семнадцатым оставшимся в живых после героического боя. Вавилов покинул пароход одним из последних. Спустил в воду большую доску в надежде доплыть до острова Белуха. На ней ему удалось добраться до шлюпки, в которой пытались спастись его товарищи. Вскарабкавшись в шлюпку, он затаился на её дне до ухода крейсера.

В шлюпке обнаружились галеты, бочонок пресной воды, спички, топор, бушлат и рукавицы, ещё кое-какое добро Павел Иванович выловил из воды. До острова моряк добрался с большим трудом: ветер всё время сносил шлюпку в сторону. Много раз пролетали над островом наши самолёты, но

только в конце сентября Вавилова заметили с парохода. 29 сентября около Белухи удалось посадить самолёт знаменитому полярному лётчику Ивану Черевичному. Мужественный кочегар легендарного парохода прилетел на Диксон. Есть теперь в Карском море и остров Вавилова.

А уже в 1945 году, в год нашей великой Победы, в арктических морях начал трудиться новый мощный ледокол «Александр Сибиряков».

